Л. ТОЛСТОЙ

ХОДИТЕ
В
СВЕТЕ, ПОКА ЕСТЬ
СВЕТ

Marchez dans la lumière, par le comte L. Tolstoï.

ХОДИТЕ ВЪ СВѢТѢ
ПОКА
ЕСТЬ СВѢТЪ

БЕСЕДЫ ЯЗЫЧНИКА И ХРИСТІАНИНА

ПОВѢСТЬ
изъ временъ древнихъ христіанъ

ГРАФА Л. Н. ТОЛСТОГО

GENÈVE
M. ELPIDINE, LIBRAIRE-ÉDITEUR
68, Rue du Rhône, 68
1892

ХОДИТЕ ВЪ СВѢТѢ

ПОКА

ЕСТЬ СВѢТЪ

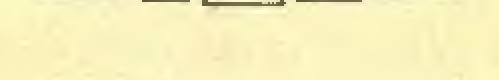

БЕСѢДЫ ЯЗЫЧНИКА И ХРИСТІАНИНА

ПОВѢСТЬ

изъ временъ древнихъ христіанъ

ГРАФА Л. Н. ТОЛСТОГО

GENÈVE
M. ELPIDINE, LIBRAIRE-ÉDITEUR
68, Rue du Rhône, 68
1892

2007096119

ХОДИТЕ ВЪ СВѢТѢ ПОКА ЕСТЬ СВѢТЪ

Вступленіе

Собрались разъ въ богатый домъ гости. И случилось такъ, что завязался серьезный разговоръ о жизни. Говорили про отсутствующихъ и про присутствующихъ и не могли найти ни одного человѣка, довольнаго своей жизнью. Мало того, что никто не могъ хвалиться счастьемъ, но не было ни одного человѣка, который бы считалъ, что онъ живетъ такъ, какъ должно жить христіанину. Признавались всѣ, что живутъ мірской жизнью только въ заботахъ о себѣ и своихъ семейныхъ, а никто не думаетъ о ближнемъ и уже еще меньше о Богѣ. Такъ говорили гости между собою и всѣ были согласны, обвиняя самихъ себя въ безбожной, не христіанской жизни.

— Такъ зачѣмъ же мы живемъ такъ, — вскричалъ юноша, — зачѣмъ дѣлаемъ то, что сами не одобряемъ? Развѣ мы не властны измѣнить свою жизнь? Мы сами сознаемъ, что губитъ насъ наша роскошь, изнѣженность, наше богатство, а главное, наша гордость, наше отдѣленіе себя отъ братьевъ. Чтобы быть знатнымъ и богатымъ, мы должны лишать себя всего, что даетъ радость жизни человѣку. Мы скучиваемся въ городахъ, изнѣживаемъ себя, губимъ свое здоровье и, не смотря на всѣ наши

увеселенія, умираемъ отъ скуки и отъ сожалѣнія, что наша жизнь не такая, какая должна быть. Зачѣмъ же жить такъ, зачѣмъ губить такъ всю жизнь: все то благо, которое дано намъ отъ Бога? Не хочу жить по прежнему! Брошу то начатое ученіе, оно вѣдь приведетъ меня ни къ чему другому, какъ къ той же мучительной жизни, на которую мы всѣ теперь жалуемся. Откажусь отъ своего имѣнія и пойду жить въ деревню съ бѣдными, буду работать съ ними, научусь работать руками, если нужно бѣднымъ мое образованіе, буду сообщать его имъ, но не черезъ учрежденія и книги, а прямо живя съ ними по братски. Да, я рѣшилъ!—сказалъ онъ, вопросительно взглянувъ на своего отца, который былъ тутъ же.

— Желаніе твое доброе,—сказалъ отецъ,—но легкомысленное и не обдуманное. Тебѣ представляется все столь легкимъ, потому что ты не знаешь жизни. Мало ли что намъ кажется хорошимъ! Но дѣло въ томъ, что исполненіе этого хорошаго очень бываетъ трудно и сложно. Трудно идти хорошо по битой колеѣ, но еще труднѣе прокладывать новые пути. Ихъ прокладываютъ только люди, которые вполнѣ созрѣли и овладѣли всѣмъ тѣмъ, что доступно людямъ. Тебѣ кажутся легкими новые пути жизни, потому что ты не понимаешь еще жизни. Все это легкомысліе и гордость молодости. Мы, старые люди, для того и нужны, чтобы умѣрять ваши порывы и руководить васъ нашимъ опытомъ, а вы, молодые, должны повиноваться намъ, чтобы воспользоваться нашимъ опытомъ. Твоя жизнь дѣятельная еще впереди, теперь ты ростешь и развиваешься. Воспитайся, образуйся вполнѣ, стань на свои ноги, имѣй свои твердыя убѣжденія и тогда начинай новую жизнь, если чувствуешь къ тому силы. Теперь же тебѣ надо повиноваться тѣмъ, которые руководятъ тебя

для твоего блага, а не открывать новые пути жизни.

Юноша замолчалъ и старшіе согласились съ тѣмъ, что сказалъ отецъ.

— Вы правы, — обратился къ отцу юноши человѣкъ женатый, среднихъ лѣтъ. — Вы правы, сказавъ, что юноша, не имѣя опыта жизни, можетъ ошибаться, отыскивая новые пути жизни и рѣшеніе его не можетъ быть твердо; но вѣдь всѣ мы согласились въ томъ, что жизнь наша противна нашей совѣсти и не даетъ намъ блага. Поэтому нельзя не признать справедливымъ желаніе выйти изъ этой жизни. Юноша можетъ принять свою мечту за выводъ разума, но я не юноша и скажу вамъ про себя: слушая разговоры нынѣшняго вечера, мнѣ пришла та же самая мысль. Та жизнь, которую я веду, очевидно для меня, не можетъ дать мнѣ спокойствіе совѣсти и блага; это мнѣ показываетъ и разумъ и опытъ. Такъ чего же я жду? Бьемся съ утра до вечера для семьи, а на дѣлѣ выходитъ, что и семья и самъ я живемъ не по божьи, а все хуже и хуже увязаемъ въ грѣхахъ. Дѣлаемъ для семьи, а семьѣ вѣдь не лучше, потому что то, что дѣлаемъ для нихъ, не есть благо. И потому я часто думалъ, что не лучше ли бы, если бы я измѣнилъ всю свою жизнь и сдѣлалъ бы именно то, что сказалъ молодой человѣкъ,— пересталъ бы о женѣ и дѣтяхъ заботиться, а только бы о душѣ думалъ. Не даромъ и у Павла сказано: — женившійся печется о женѣ, а неженившійся о Богѣ.

Не успѣлъ договорить этого женатый, какъ напустились на него всѣ бывшія тутъ женщины и его жена.

— Объ этомъ нужно было раньше думать, — сказала одна изъ пожелыхъ женщинъ, — надѣлъ хомутъ такъ тяни! этакъ и всякій скажетъ, что хочу спасаться, когда ему трудно покажется вести и кормить семью. Это обманъ

и подлость! Нѣтъ, человѣкъ долженъ съумѣть въ семьѣ по божьи жить. А то, такъ-то легко одному спасаться. Да и главное, поступишь такъ, значитъ поступишь противъ ученія Христа. Богъ велѣлъ любить другихъ, а этимъ вы для Бога другихъ оскорблять хотите. А семью насиловать никто не имѣетъ права!

Но женатый не согласился съ этимъ. Онъ сказалъ:

— Я не хочу семью бросать. Я только говорю, что семью то и дѣтей надо вести не по мірски, не къ тому, чтобы они пріучались жить для своей похоти, какъ вотъ мы сейчасъ говорили, а надо вести такъ, чтобы дѣти смолоду пріучались къ нуждѣ, къ работѣ, къ помощи людямъ, а главное къ братской жизни со всѣми. А для этого нужно отказаться отъ знатности и богатства.

— Нечего другихъ ломать, пока самъ не по божьи живешь! — съ горячностью сказала на это его жена. — Ты самъ жилъ смолоду въ свое удовольствіе, за что же ты своихъ дѣтей и свою семью мучить хочешь? Пускай выростутъ въ покоѣ, а потомъ, что захотятъ то и будутъ дѣлать сами, а не ты ихъ заставляй!

Женатый замолчалъ, но бывшій тутъ старый человѣкъ заступился за него:

— Положимъ, сказалъ онъ, — нельзя женатому человѣку, пріучивъ семью къ извѣстному достатку, вдругъ лишать ее всего этого. Правда, что если уже начато воспитаніе дѣтей, то лучше окончить его, чѣмъ все сломать. Тѣмъ болѣе, что взрослыя дѣти сами изберутъ тотъ путь, который найдутъ для себя лучшимъ. Я согласенъ, что семейному человѣку трудно и даже невозможно безъ грѣха перемѣнить свою жизнь. Вотъ намъ, старикамъ, это и Богъ велѣлъ. Я про себя скажу: живу я теперь безъ всякихъ обязанностей, живу, по правдѣ сказать,

только для своего брюха: ѣмъ, пью, отдыхаю, и мнѣ самому гадко и противно. Вотъ мнѣ бы пора бросить эту жизнь, раздать свое имѣніе и хоть передъ смертью пожить такъ, какъ Богъ велѣлъ жить христіанину.

Не согласились и со старикомъ. Тутъ была его племянница и крестница, у которой онъ крестилъ всѣхъ дѣтей и дарилъ по праздникамъ, тутъ былъ и его сынъ. Всѣ возражали ему.

— Нѣтъ,—сказалъ сынъ,—вы поработали на своемъ вѣку, вамъ надо отдохнуть, а не мучить себя. Вы прожили 60 лѣтъ со своими привычками, вамъ нельзя отстать отъ нихъ. Вы будете только напрасно мучить себя.

— Да, да, — подтвердила племянница, — будете въ нуждѣ и будете не въ духѣ, будете ворчать и нагрѣшите больше. А Богъ милосердъ и всѣхъ грѣшниковъ прощаетъ, а не только васъ, такого добраго дядюшку.

— Да и къ чему намъ?—прибавилъ другой старикъ, ровестникъ дядюшкѣ.—Намъ уже съ тобою всего можетъ два дня жить осталось. Къ чему затѣвать?

— Что за чудо!—сказалъ одинъ изъ гостей, молчавшій во все время разговора. — Что за чудо! Всѣ говорятъ, что хорошо по божьи жить, а что живемъ мы худо, и духомъ и тѣломъ мучаемся; а какъ только дошло дѣло до дѣла, то выходитъ: что дѣтей ломать нельзя, а надо ихъ воспитывать не по божьему, а по старому. Молодымъ нельзя изъ воли родительской выходить, и надо имъ жить не по божьи, а по старому; женатымъ нельзя жену и дѣтей переламывать и надо жить не по божьему, а по старому; а старикамъ не къ чему начинать: и не привыкли-де, они, да имъ два дня жить осталось. Выходитъ, что жить хорошо никому нельзя, только поговорить можно.

1.

Было это въ царствованіе римскаго императора Трояна, сто лѣтъ послѣ Рождества Христова. Было въ то время, когда живы еще были ученики учениковъ Христовыхъ и христіане твердо держались закона учителя, какъ сказано въ дѣяніяхъ.

— У множества же увѣровавшихъ было одно сердце и одна душа и никто ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее. Апостолы же съ великою силою свидѣтельствовали и воскресеніи Господа Іисуса Христа и великая благодать была на вѣрѣ ихъ. Не было между ними никого нуждающагося, ибо всѣ, которые владѣли землями или домами, продавали ихъ, приносили цѣну проданнаго къ ногамъ апостоловъ и каждому давалось, кто въ чемъ имѣлъ нужду. (Дѣян. гл. IV, ст. 32—35).

Жилъ въ эти первыя времена въ странѣ Киликійской въ городѣ Тарсѣ, богатый купецъ, Сиріанинъ, торговецъ драгоцѣнными камнями, Ювеналій. Вышелъ онъ изъ простыхъ и бѣдныхъ людей, но трудомъ и искусствомъ въ своемъ дѣлѣ нажилъ богатство и уваженіе своихъ согражданъ. Ѣздилъ онъ много по разнымъ землямъ и, хотя не былъ ученъ, много узналъ и понялъ, и городскіе люди уважали его за умъ и справедливость. Вѣры онъ держался той римской, языческой, которой держались всѣ уважаемые люди Римской Имперіи: той вѣры, исполненіе обрядовъ которой стали строго требовать со времени Августа императора и которую твердо соблюдалъ и теперешній императоръ Троянъ. Киликійская страна далеко отъ Рима, но управлялась римскимъ начальникомъ, и все,

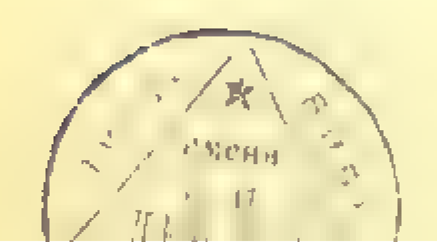
что дѣлалось въ Римѣ, отзывалось и въ Киликіи, и управители подражали своимъ императорамъ..

Ювеналій помнилъ въ дѣтствѣ еще разсказы про то, что дѣлалъ Неронъ въ Римѣ, видѣлъ потомъ, какъ гибли императоры одинъ за другимъ и, какъ умный человѣкъ, онъ понялъ, что во власти императорской и въ религіи римской ничего не было священнаго, но что все это было дѣло рукъ человѣческихъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ умный человѣкъ, онъ понималъ, и то, что противиться этой власти было невыгодно, и что, для своего спокойствія, надо было подчиниться установленному порядку. И не смотря на то, безуміе всей окружающей жизни, особенно же того, что происходило въ Римѣ, гдѣ онъ бывалъ по своимъ дѣламъ, часто смущало его. Были у него сомнѣнія, онъ не могъ обнять всего и относилъ это къ своей необразованности.

Онъ былъ женатъ, и дѣтей у него было четверо, но трое умерли въ молодыхъ годахъ, остался одинъ, по имени Юлій.

На этого-то Юлія Ювеналій положилъ всю свою любовь и всѣ свои заботы. Въ особенности хотѣлось Ювеналію такъ воспитать Юлія, чтобы онъ не мучился тѣми сомнѣніями о жизни, которыя смущали его самого. Когда Юлію минуло 15 лѣтъ, отецъ отдалъ его въ ученіе къ поселившемуся въ ихъ городѣ философу, (философъ — умный, мудрецъ. Философія — наука о мудрости,) принимавшему къ себѣ юношей на обученіе. Отецъ отдалъ его философу вмѣстѣ съ товарищемъ его, Памфиліемъ, сыномъ умершаго, вольноотпущеннаго раба Ювеналія. Юноши были ровестники, оба красивы и друзья.

Юноши учились оба прилежно, оба были нрава хорошаго. Юлій отличался болѣе въ изученіи поэтовъ и ма-

тематики, Памфилій же въ изъученіи философіи. За годъ до окончанія ихъ ученія, Памфилій, придя въ школу, объявилъ учителю, что мать его вдова, уходитъ въ городъ Дафну и что онъ долженъ оставить ученіе. Жалѣлъ учитель о потери ученика, дѣлавшаго ему честь, жалѣлъ Ювеналій, но больше всѣхъ жалѣлъ Юлій. На всѣ увѣщеванія оставаться и продолжать ученіе, Памфилій остался непреклоненъ и, поблагодаривъ своихъ друзей за любовь къ нему и заботы о немъ, разстался съ ними.

Прошло два года, Юлій окончилъ ученіе и за все время онъ ни разу не видалъ своего друга.

Однажды онъ встрѣтилъ его на улицѣ, зазвалъ къ себѣ въ домъ и сталъ разспрашивать о томъ, какъ и гдѣ онъ живетъ. Памфилій разсказалъ ему, что онъ съ матерью живетъ все тамъ же.

— Живемъ мы, — говорилъ онъ, — не одни, но съ нами много друзей, съ которыми у насъ все общее.

— Какъ общее? — спросилъ Юлій.

— Такъ, что никто изъ насъ ничего не считаетъ своимъ.

— Зачѣмъ же вы это дѣлаете?

— Мы христіане, — сказалъ Памфилій.

— Неужели? — вскрикнулъ Юлій.

Христіаниномъ быть въ то время было тоже, что въ настоящее время — заговорщикомъ. Какъ только кого обличали въ христіанствѣ, такъ тотчасъ его сажали въ тюрьму, судили его и, если онъ не отрекался, то казнили. Это-то ужаснуло Юлія. Онъ слышалъ всякіе ужасы про христіанъ.

— А какъ же мнѣ говорили, что христіане убиваютъ дѣтей и ѣдятъ ихъ? Неужели и ты участвуешь въ этомъ?

— Приди и посмотри — отвѣтилъ Памфилій, — мы

ничего не дѣлаемъ особеннаго, мы просто живемъ, стараясь не дѣлать ничего дурного.

— Но какъ же можно жить, ничего не считая своимъ?

— Мы кормимся. Если мы отдаемъ братьямъ наши труды, то они отдаютъ намъ свои.

— Ну, а если братья берутъ труды ваши, и не отдаютъ ихъ, тогда какъ же?

— Такихъ нѣтъ, — сказалъ Памфилій, — такіе люди любятъ жить роскошно и не придутъ къ намъ, жизнь у насъ простая и нероскошная.

— Да мало ли лѣнивцевъ, которые рады будутъ тому, чтобы ихъ даромъ кормили.

— Есть и такіе и мы охотно принимаемъ ихъ. Недавно пришелъ одинъ такой, бѣжавшій рабъ. Сначала, онъ, правда, лѣнился и жилъ дурно, но скоро измѣнилъ свою жизнь и теперь сталъ хорошимъ братомъ.

— Ну, а еслибъ онъ не исправился?

— Есть и такіе. Старецъ Кириллъ говоритъ, что съ такими-то и надо поступать, какъ съ самими дорогими братьями и еще больше любить ихъ.

— Развѣ можно любить негодяевъ?

— Нельзя не любить человѣка!

— Но какъ же вы можете давать всѣмъ, то, что они просятъ? — спросилъ Юлій. — Если бы мой отецъ давалъ всѣмъ, кто проситъ, у него очень скоро ничего бы не осталось.

— Не знаю, — отвѣчалъ Памфилій, — у насъ остается на нужду. И если и случится, что нечего ѣсть или нечѣмъ прикрыться, такъ мы у другихъ просимъ и намъ даютъ. Да это рѣдко случается. Мнѣ только разъ и случилось лечь спать безъ ужина, да и то отъ того, что усталъ я очень и не хотѣлъ идти къ брату попросить.

— Не знаю, какъ вы дѣлаете, — сказалъ Юлій, — только, какъ отецъ говоритъ, если свое не беречь, да если еще давать всѣмъ, кто проситъ, такъ самъ съ голоду умрешь.

— Мы не умираемъ. Приди, посмотри. Мы живемъ и не только не нуждаемся, но даже много лишняго у насъ.

— Да какъ же это такъ?

— А вотъ отчего. Исповѣдуемъ мы всѣ одинъ законъ, но силы исполненія у всѣхъ разныя: у одного больше, у другого меньше. Одинъ усовершенствовался уже въ доброй жизни, другой только начинаетъ ее. Впереди всѣхъ насъ стоитъ Христосъ со своею жизнью и мы всѣ стараемся подражать ему и въ одномъ этомъ видимъ наше благо. Одни изъ насъ, какъ старецъ Кириллъ и жена Пелагея, стоятъ впереди насъ, другіе сзади, третьи еще сзади, но всѣ идутъ по одному пути. Передовые уже близки къ закону Христа — отреченію отъ себя, — и погубили свою душу, чтобы пріобрѣсти ее. — Этимъ ничего не нужно, эти себя не жалѣютъ и все послѣднее, по Христову закону, отдаютъ просящему. Другіе есть по слабѣе, такіе, которые не могутъ все отдать, ослабѣваютъ безъ привычной одежды и пищи, и не все отдаютъ. Есть еще слабѣе, тѣ, которые только недавно вступили на путь, эти живутъ еще по старому, удерживаютъ много для себя и отдаютъ только лишнее. И эти то задніе приходятъ на помощь переднимъ. Кромѣ того, всѣ мы перепутаны родствомъ съ язычниками. У одного отецъ язычникъ держитъ имѣніе и даетъ сыну. Сынъ даетъ просящимъ, но отецъ опять даетъ. У другого мать язычница, жалѣетъ сына и помогаетъ ему. У третьяго дѣти язычники, а мать христіанка и дѣти покоятъ мать, даютъ ей и просятъ не раздавать, а она, изъ любви къ нимъ, принимаетъ и все-

таки отдаетъ другимъ. У четвертаго жена язычница, а мужъ христіанинъ. У пятаго мужъ язычникъ, а жена христіанка. Такъ перепутаны всѣ, и передніе рады бы отдать послѣднее, да не могутъ. Этимъ-то и поддерживаются слабые въ вѣрѣ и отъ этого-то набирается много лишняго.

На это Юлій сказалъ:

— Но если такъ, то вы, значитъ, отступаете отъ ученія Христа и только видъ дѣлаете. А если вы не все отдаете, то и нѣтъ между нами и вами разницы. По мнѣ, если уже быть христіаниномъ, такъ исполнить все: отдать все и остаться нищимъ.

— А это лучше всего,— сказалъ Памфилій.—И сдѣлай такъ!

— Да я сдѣлаю, когда увижу, что вы дѣлаете.

— Мы ничего показывать не хотимъ. И тебѣ не совѣтую идти къ намъ и выходить изъ своей жизни для показа, дѣлаемъ мы то, что дѣлаемъ, не для показа, а по вѣрѣ нашей.

— Что значитъ, по вѣрѣ?

— А по вѣрѣ значитъ то, что спасеніе отъ золъ міра, отъ смерти, только въ жизни по ученію Христа. И для насъ все равно, что скажутъ про насъ люди. Мы дѣлаемъ не для людей, а потому что только въ этомъ мы видимъ жизнь и благо.

— Нельзя не жить для себя,—сказалъ Юлій.—Боги сами вложили въ насъ то, что мы любимъ себя больше другихъ и ищемъ себѣ радостей. И вы тоже самое дѣлаете. Ты самъ говорилъ, что изъ вашихъ есть, которые себя жалѣютъ. Они будутъ больше и больше готовить себѣ радостей и все больше будутъ бросать вашу вѣру и будутъ тоже дѣлать, что и мы.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Памфилій, — наши идутъ по другому пути и никогда не слабѣютъ, но все сильнѣютъ: какъ огонь никогда не потухнетъ, когда на него подкладываютъ дрова. Въ этомъ то и вѣра!

— Не пойму я, въ чемъ эта вѣра.

— Вѣра наша въ томъ, что мы понимаемъ жизнь такъ, какъ объяснилъ намъ ее Христосъ.

— Какъ же?

— Христосъ сказалъ такую притчу: — Жили виноградари въ чужомъ саду и должны были платить оброкъ хозяину.— Это мы, люди, живемъ въ мірѣ и должны платить оброкъ Богу, исполнять его волю. — А люди тѣ по мірской вѣрѣ подумали, что садъ ихній, что имъ за него платить нечего, а только и дѣла, что пользоваться плодами его. Прислалъ къ людямъ хозяинъ посланнаго, чтобы получить оброкъ, а они выгнали его. Прислалъ хозяинъ своего сына за оброкомъ, а они убили его, думая, что послѣ этого никто уже имъ не помѣшаетъ. Вотъ это мірская вѣра, по которой живутъ всѣ люди міра, не признаніе того, что жизнь дана только для того, чтобы служить Богу. Христосъ же научилъ насъ тому, что мірская вѣра о томъ, что человѣку будетъ лучше, если онъ прогонетъ изъ сада посланнаго и сына хозяина и не дастъ оброка, что эта вѣра ложная, потому что не миновать: либо дать оброкъ, либо быть выгнаннымъ изъ сада. Онъ научилъ насъ тому, что всѣ радости, которыя мы называемъ радостями: ѣда, питье, веселье, не могутъ быть радостями если въ нихъ полагается жизнь, что они радости только тогда, когда мы ищемъ другого,—исполненія воли Бога, что только тогда эти радости, какъ награда настоящая, слѣдуетъ за исполненіемъ воли Бога. Хотѣть брать радости безъ труда исполненія воли Бога, отрывать

однѣ радости отъ труда,—это все равно, что разрывать стебли цвѣтовъ и разсаживать ихъ безъ кореньевъ. Мы вѣримъ въ это и потому не можемъ искать обмана вмѣсто правды. Вѣра наша въ томъ, что благо жизни не въ ея радостяхъ, а въ исполненіи воли Бога безъ мысли о радостяхъ и надежды на нихъ, И мы живемъ такъ, и что дальше живемъ, то больше видимъ, что радости и благо, какъ колесо за оглоблями, идутъ по пятамъ за исполненіемъ воли Бога. Учитель нашъ сказалъ: — Пріидите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и я успокою васъ. Возьмите иго мое на себя и научитесь отъ меня, ибо я кротокъ и смиренъ сердцемъ и найдете покой душамъ вашимъ. Ибо иго мое благо и бремя мое легко.

Такъ говорилъ Памфилій. Юлій слушалъ и сердце его трогалось, но ему было не ясно то, что говорилъ Памфилій; ему казалось, что Памфилій обманываетъ его; тогда глядѣлъ онъ въ добрые глаза своего друга и вспоминалъ его доброту и ему казалось, что Памфилій самъ обманываетъ себя. Памфилій приглашалъ Юлія пріѣхать къ нимъ, чтобы посмотрѣть на ихъ жизнь и, если она ему понравится, остаться жить съ ними.

И Юлій обѣщалъ, но не поѣхалъ къ Памфилію и, увлекшись своею жизнью, забылъ о немъ.

2.

Отецъ Юлія былъ богатъ, любилъ единственнаго сына своего, гордился имъ и не жалѣлъ для него денегъ. Жизнь Юлія проходила такъ, какъ проходитъ жизнь богатыхъ молодыхъ людей: въ праздности, роскоши и развратныхъ увеселеніяхъ, которыя всегда были и остаются одни и тѣже: вино, игра и разгульныя женщины.

Но удовольствія, которымъ предавался Юлій, все боль-

ше и больше требовали денегъ и ихъ стало недоставать у Юлія. Онъ разъ попросилъ у отца больше, чѣмъ то, что отецъ обыкновенно давалъ ему. Отецъ далъ, но сдѣлалъ выговоръ. Сынъ, чувствуя себя виноватымъ и не желая сознаться въ своей винѣ, разозлился, нагрубилъ отцу, какъ всегда злятся тѣ, которые знаютъ свою вину и не хотятъ сознаться въ ней. Взятыя у отца деньги очень скоро вышли, и кромѣ того, въ тоже время Юлію случилось съ пьянымъ товарищемъ ввязаться въ драку и убить человѣка. Начальникъ города узналъ это и хотѣлъ взять подъ стражу Юлія, но отецъ выхлопоталъ ему прощеніе. Въ это-то время Юлію, по его разгульнымъ дѣламъ, понадобилось еще болѣе денегъ. Онъ занялъ у товарища и обѣщалъ отдать ему. Кромѣ того, любовница его требовала отъ него подарокъ: полюбилось ей жемчужное ожерелье и онъ зналъ, что если онъ не исполнитъ ея просьбы, она броситъ его и сойдется съ богачемъ, который уже давно отбивалъ ее отъ Юлія. Юлій пришелъ къ матери и сказалъ ей, что ему необходимы деньги, что если онъ не достанетъ столько, сколько ему нужно, онъ убьетъ себя.

Въ томъ, что онъ находился въ такомъ положеніи, онъ винилъ не себя, но отца. Онъ говорилъ: отецъ пріучилъ меня къ роскошной жизни, а потомъ сталъ жалѣть на меня денегъ. Если бы онъ далъ мнѣ сначала, безъ укоровъ то, что онъ далъ мнѣ послѣ, я бы устроилъ свою жизнь и не нуждался, но, такъ какъ онъ всегда давалъ мнѣ недостаточно, я долженъ былъ обращаться къ ростовщикамъ и они высасывали изъ меня все; и для жизни, свойственной мнѣ, какъ богатому юношѣ, мнѣ ничего не оставалось дѣлать, и мнѣ стыдно передъ товарищами, а отецъ ничего этого не хочетъ понимать. Онъ забылъ, что самъ былъ молодъ. Онъ довелъ меня до этого положенія, и те-

перь, если онъ не дастъ мнѣ того, что я прошу, я убью себя.

Мать, баловавшая сына, пошла къ отцу. Отецъ позвалъ сына и сталъ бранить его и мать. Сынъ грубо отвѣтилъ отцу. Отецъ ударилъ его. Сынъ схватилъ за руки отца. Отецъ крикнулъ рабовъ и велѣлъ связать сына и запереть его.

Оставшись одинъ, Юлій проклиналъ отца и свою жизнь.

Смерть его или отца представлялась ему единственнымъ выходомъ изъ того положенія, въ которомъ онъ находился.

Мать Юлія страдала больше его. Она не разбирала того, кто былъ виновенъ во всемъ этомъ. Она только жалѣла о любимомъ дѣтищѣ. Она пошла къ мужу умолять его о прощеніи. Мужъ не сталъ слушать ее, сталъ упрекать въ томъ, что она разбаловала сына, она упрекала его и кончилось тѣмъ, что мужъ избилъ жену. Но мать ни во что считала свои побои, пришла къ сыну, уговаривала его, чтобы просилъ прощенія у отца и покорился ему. За это она обѣщала сыну, тайно отъ отца, дать тѣ деньги, которыя ему были нужны. Сынъ согласился и тогда мать пошла къ своему мужу и попросила его простить сына. Отецъ долго бранилъ жену и сына, но наконецъ рѣшилъ, что онъ проститъ сына, только съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ бросилъ свою распутную жизнь и женился бы на дочери богатаго купца, которую отецъ обѣщалъ высватать за сына.

Онъ получитъ отъ меня деньги и приданное жены, — сказалъ отецъ, — и тогда пусть начнетъ правильную жизнь. Если онъ обѣщаетъ исполнить мою волю, я прощу

его.. Теперь же я ничего не дамъ ему и при первой винѣ отдамъ въ руки начальника.

Юлій на все согласился и былъ выпущенъ. Онъ обѣщался жениться и бросить свою дурную жизнь, но онъ не намѣревался этого сдѣлать.

И жизнь дома для него теперь сдѣлалась адомъ. Отецъ не говорилъ съ нимъ, бранился съ матерью изъ за него, мать плакала.

На другой день мать позвала его въ свои покои и тайно передала ему драгоцѣнный камень, который она унесла у мужа.

— Пойди, продай его, не здѣсь, а въ другомъ городѣ и исполни то, что надо, а я съумѣю скрыть эту пропажу до времени, а если откроется, то вину свалю на одного изъ рабовъ.

Слова матери тронули сердце Юлія. Онъ ужаснулся того, что она сдѣлала и, не взявъ драгоцѣннаго камня, ушелъ вонъ изъ дома.

Онъ самъ не зналъ куда и зачѣмъ онъ идетъ. Онъ шелъ впередъ, все впередъ, вонъ изъ города, чувствуя необходимость остаться одному и обдумать все то, что было съ нимъ и что ожидаетъ его. Идя все впередъ и впередъ, онъ вышелъ изъ города и вошелъ въ священную рощу богини Діаны. Войдя въ уединенное мѣсто, онъ сталъ думать. Первая мысль, которая пришла ему, была о томъ, чтобы просить помощи у богини. Но онъ не вѣрилъ уже въ боговъ своихъ и потому зналъ, что отъ нихъ нельзя ожидать помощи. А коли не у нихъ, то у кого? Самому обдумывать свое положеніе ему казалось слишкомъ страннымъ. Въ душѣ у него была путаница и мракъ. Но дѣлать было больше нечего. Надо было обратиться къ своей совѣсти и онъ сталъ передъ ней обсуживать свою

жизнь и свои поступки. И то и другое показалось ему дурнымъ и прежде всего глупымъ. Изъ за чего онъ такъ мучилъ себя? Изъ за чего такъ губилъ свои молодые годы? Радостей было мало, а горя и несчастья много! Главное же было то, что онъ чувствовалъ себя одинокимъ. Прежде была любящая мать, былъ отецъ, были даже друзья, теперь никого не было. Никто не любилъ его! Всѣмъ онъ былъ въ тягость! Всѣмъ онъ съумѣлъ стать поперекъ ихъ жизни: для матери онъ былъ причиной раздора съ отцемъ, для отца онъ былъ расточителемъ богатства, собраннаго трудомъ цѣлой жизни, для друзей онъ былъ опасный, непріятный соперникъ. Для всѣхъ ихъ должно было быть желательно, чтобы онъ умеръ.

Перебирая свою жизнь, онъ вспомнилъ о Памфиліи и о послѣднемъ свиданіи съ нимъ и о томъ, какъ Памфилій звалъ его къ нимъ, къ христіанамъ. И ему пришло въ голову не возвращаться домой, а прямо отсюда уйти къ христіанамъ и остаться съ ними.

— Но неужели мое положеніе такое отчаянное?—подумалъ онъ и опять сталъ вспоминать все, что съ нимъ было и опять его ужаснуло то, что ему казалось, что никто его не любитъ и онъ не любитъ никого. Мать, отецъ, друзья не любили его, должны были желать его смерти; но и самъ онъ любилъ ли кого? Друзей? Онъ чувствовалъ, что никого не любитъ. Всѣ они были соперники, всѣ были безжалостны къ нему теперь, когда онъ въ несчастіи. Отецъ? спросилъ онъ себя и ужасъ охватилъ его, когда онъ, при этомъ вопросѣ, заглянулъ въ свое сердце. Не только онъ не любилъ, но онъ ненавидѣлъ его за стѣсненія, за оскорбленія. Ненавидѣлъ и, кромѣ того, ясно видѣлъ, что для его, Юлія, счастья, нужна смерть отца.

— Да, спросилъ себя Юлій, и если бы я зналъ, что

никто, никогда, не увидитъ, и не узнаетъ; чтобы я сдѣлалъ, если бы могъ однимъ ударомъ, сразу, лишить его жизни и освободить себя?

И Юлій отвѣтилъ себѣ: — Да я убилъ бы его!

Онъ отвѣтилъ это себѣ и ужаснулся самъ за себя.

— Мать? да, я жалѣю ее, но я ее не люблю; мнѣ все равно, что будетъ съ нею, мнѣ только нужна ея помощь.., Да, я звѣрь! и звѣрь забитый, затравленный и только тѣмъ и отличаюсь отъ звѣря, что могу, по своей волѣ, уйти отъ этой обманчивой, злой жизни; могу сдѣлать то, чего не можетъ звѣрь—убить себя. Отца ненавижу, никого не люблю... ни мать, ни друзей... да развѣ Памфилія одного?

И онъ опять вспомнилъ о немъ. Сталъ вспоминать послѣднее свиданіе, и ихъ бесѣду, и слова Памфилія о томъ, что по ихъ ученію Христосъ, говорилъ: Пріидите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные и я успокою васъ. — Неужели это правда?

Онъ сталъ думать, вспоминать кроткое, безстрашное и радостное лицо Памфилія и ему захотѣлось вѣрить тому, что говорилъ Памфилій.

— Что же въ самомъ дѣлѣ? -- сказалъ онъ себѣ, кто я? человѣкъ, ищущій блага. Я искалъ его въ похотяхъ и не нашелъ. И всѣ живущіе также, какъ я, тоже не находятъ. Всѣ злы и страдаютъ. Есть же человѣкъ, который всегда радостенъ, оттого, что онъ ничего не ищетъ. Онъ говоритъ, что ихъ много такихъ и что всѣ будутъ такими, если послѣдуютъ тому, что говоритъ ихъ учитель. Что если это истина? Истина или не истина — меня влечетъ къ ней и я пойду!

Такъ сказлаъ себѣ Юлій, вышелъ изъ рощи, рѣшив-

шись не возвращаться болѣе домой, пошелъ къ той деревнѣ, въ которой жили христіане.

3.

Юлій шелъ бодро и радостно и, чѣмъ дальше онъ шелъ и тѣмъ живѣе представлялъ себѣ жизнь христіанъ, вспоминая все, что говорилъ Памфилій, тѣмъ радостнѣе становилось ему на душѣ. Уже солнце спускалось къ вечеру и онъ хотѣлъ отдохнуть, какъ на пути ему попался человѣкъ, отдыхающій и полудышущій. Человѣкъ былъ среднихъ лѣтъ, съ умнымъ лицомъ. Онъ сидѣлъ и ѣлъ сливки и лепешку. Увидавъ Юлія, онъ улыбнулся и сказалъ:

— Здравствуй, юноша. Путь далекъ еще. Садись и отдохни. — Юлій поблагодарилъ и сѣлъ. — Куда идешь? — спросилъ незнакомецъ.

— Къ христіанамъ, — сказалъ Юлій и слово за слово разсказалъ незнакомцу всю свою жизнь и свое рѣшеніе.

Незнакомецъ слушалъ внимательно, распрашивалъ о подробностяхъ и самъ не высказывалъ своего мнѣнія, но когда Юлій кончилъ, незнакомецъ сложилъ въ сумку оставшуюся пищу, оправилъ свою одежду и сталъ говорить.

— Юноша, не исполняй своего намѣренія — ты заблуждаешься. Я знаю жизнь, а ты не знаешь ея. Я знаю христіанъ, а ты не знаешь ихъ. Слушай, я разберу всю твою жизнь и твои мысли и когда ты услышишь ихъ отъ меня, ты примешь то рѣшеніе, которое представится тебѣ болѣе правильнымъ. Ты молодъ, богатъ, красивъ, силенъ, страсти кипятъ въ тебѣ. Ты хочешь найти тихое пристанище, такое, въ которомъ бы страсти не волновали тебя и ты бы не страдалъ отъ ихъ послѣдствій, и тебѣ кажется, что ты найдешь такое убѣжище среди христіанъ.

Такого мѣста нѣтъ, милый юноша, потому что то, что тревожитъ тебя, находится не въ Киликіи, не въ Римѣ, но въ тебѣ самомъ. Въ тиши сельскаго уединенія тѣ же страсти будутъ мучить тебя, но только во сто разъ сильнѣе. Обманъ христіанъ, или ошибка (я не хочу осуждать ихъ), состоитъ именно въ томъ, что они не хотятъ признать природы человѣка. Совершеннымъ исполнителемъ ихъ ученія можетъ быть только старикъ, выжившій изъ всѣхъ страстей своихъ. Человѣкъ же въ силѣ, или юноша, какъ ты, не извѣдавшій жизни и самого себя, не можетъ подчиниться ихъ закону, потому что законъ этотъ имѣетъ въ основѣ не природу человѣка, а праздное мудрствованіе ихъ основателя, Христа. Если ты пойдешь къ нимъ, то будешь страдать тѣмъ же, чѣмъ ты страдаешь теперь, но только въ гораздо большей степени. Теперь твои страсти завлекаютъ тебя на ложные пути, но ты, ошибшись разъ въ направленіи, можешь исправиться; теперь ты все-таки имѣешь удовлетвореніе освобожденной страсти, т. е. жизнь. Но среди ихъ ты, сдерживая насильно свои страсти, будешь заблуждаться точно также, еще хуже, и кромѣ этого страданія будешь еще имѣть непрестанное страданіе неудовлетворенныхъ потребностей человѣка. Пусти воды изъ плотины и она будетъ поить землю и луга, и животныхъ, но удержи ее, она будетъ рвать землю и вытекать грязью! Тоже и со страстями. Ученіе христіанъ состоитъ, кромѣ тѣхъ вѣрованій, которыми они утѣшаются, и о которыхъ я не стану говорить, ученіе ихъ для жизни въ слѣдующемъ: они не признаютъ насилія, не признаютъ войнъ, судовъ, не признаютъ собственности, не признаютъ наукъ, искусствъ, всего того, что дѣлаетъ жизнь легкою и радостною. Все это было бы хорошо если бы всѣ люди были такими, какимъ они описываютъ своего учителя.

Но вѣдь этого нѣтъ и не можетъ быть. Люди злы и подвержены страстямъ. Эта игра страстей и тѣ столкновенія, которыя происходятъ отъ нихъ, и удерживаютъ людей въ тѣхъ условіяхъ жизни, въ которыхъ они живутъ. Варвары (дикари) не знаютъ никакихъ стѣсненій и одинъ дикарь, для удовлетворенія своихъ похотей, уничтожилъ бы весь міръ, если бы всѣ люди покорялись такъ, какъ покоряются христіане. Если боги вложили въ людей чувства гнѣва, мести, даже злобы противъ злыхъ, то они дѣлали это потому, что чувства эти необходимы для жизни людей. Христіане учатъ, что эти чувства дурныя и что безъ нихъ люди были бы счастливы, не было бы убійствъ, казней, войнъ. Это справедливо, но это подобно тому предложенію, что для благосостоянія людей имъ не надо питаться. Дѣйствительно не было бы жадности, голода и всѣхъ происходящихъ отъ того бѣдствій. Но все же это предположеніе не измѣнило бы природы человѣка. И если бы два, три десятка людей, повѣривъ этому и дѣйствительно не принимая пищи, умерли бы отъ голода, это не измѣнило бы природы человѣка. Точно тоже и съ другими страстями человѣка: негодованіе, злоба, месть, даже любовь къ женщинамъ, къ роскоши, къ блеску и величію свойственны и богамъ и потому и суть неизмѣнныя свойства человѣка. Уничтожь питаніе человѣка и уничтожится человѣкъ, точно также уничтожь свойственныя человѣку страсти и уничтожится человѣчество. Тоже самое и о собственности, которую будто бы отвергаютъ христіане. Посмотри вокругъ себя: каждый виноградникъ, каждая ограда, каждый домъ, каждая ослица — все это произведено людьми только при условіи собственности. Откинь право собственности и ни одинъ виноградникъ не будетъ перекопанъ, ни одно животное не будетъ воспитано и

выхожено. Христіане утверждаютъ, что у нихъ нѣтъ собственности, но они пользуются плодами ея. Они говорятъ, что все у нихъ общее и все сносится вмѣстѣ. Но то, что они сносятъ, они получили отъ людей, владѣвшихъ собственностью. Они только обманываютъ людей и, въ лучшемъ случаѣ, обманываютъ самихъ себя. Ты говоришь, они сами работаютъ, чтобы кормиться, но то, что они работаютъ, не прокормило бы ихъ, если бы они не пользовались тѣмъ, что произвели люди, признающіе собственность. Если бы даже они могли прокормиться, то они только могли бы поддержать свою жизнь и уже, въ ихъ средѣ, не было бы мѣста ни наукамъ, ни искусствамъ. Они и не признаютъ пользы нашихъ наукъ и искусствъ. Да имъ и нельзя поступать иначе. Все ихъ ученіе идетъ только къ тому, чтобы вернуть ихъ къ первоначальному состоянію, къ дикости, къ животному. Они не могутъ служить человѣчеству науками и искусствами, и, не зная ихъ, отрицаютъ ихъ, не могутъ служить тѣми способами, которыя составляютъ исключительное свойство и приближаютъ его къ богамъ. У нихъ не будетъ ни храмовъ, ни статуй, ни театровъ, ни музеевъ. Они говорятъ, что это имъ не нужно. Самый легкій способъ не стыдиться своей низости — это презирать высоту; это они и дѣлаютъ. Учитель ихъ невежда и обманщикъ. И они подражаютъ ему. Кромѣ того, они безбожники. Они не признаютъ боговъ и вмѣшательства ихъ въ дѣла людей. Для нихъ есть только отецъ ихъ учителя, котораго они называютъ и своимъ отцомъ и самъ учитель, по ихъ понятіямъ, открывшій имъ всѣ тайны жизни. Ученіе ихъ — жалкій обманъ! Пойми одно; ученіе наше говоритъ: — Міръ стоитъ богами, боги покровительствуютъ людямъ. Людямъ же для того, чтобы жить хорошо, нужно почитать боговъ и самимъ искать и

думать.—И потому руководитъ въ жизни нашей: съ одной стороны воля боговъ, съ другой совокупная мудрость всего человѣчества. Мы живемъ, думаемъ и ищемъ и потому подвигаемся къ истинѣ. У нихъ же нѣтъ ни боговъ, ни ихъ воли, ни мудрости человѣчества, а есть одно—слѣпая вѣра въ своего распятаго учителя и во все то, что онъ сказалъ имъ. Взвѣсь же, какой руководитель надежнѣе: воля боговъ и совокупная, свободная дѣятельность мудрости человѣческой, или принудительная, слѣпая вѣра въ слова одного человѣка?

Юлій былъ пораженъ тѣмъ, что сказалъ ему незнакомецъ и въ особенности послѣдними его словами.

Намѣреніе его идти къ христіанамъ было не только поколеблено, но ему теперь казалось даже страннымъ, какъ онъ могъ подъ вліяніемъ своихъ бѣдъ рѣшиться на такое безуміе. Но для него еще оставался вопросъ о томъ, что ему дѣлать теперь и какъ выйти изъ тѣхъ затруднительныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ онъ находился, и онъ, разсказавъ свое положеніе, спросилъ объ этомъ незнакомца.

— Объ этомъ самомъ я и хотѣлъ сказать теперь, — продолжалъ незнакомецъ.—Что тебѣ дѣлать? Путь твой, насколько мнѣ доступна человѣческая мудрость, для меня ясенъ. Всѣ твои бѣдствія вытекаютъ изъ свойственныхъ людямъ страстей. Страсть увлекала тебя, завела такъ далеко, что ты пострадалъ. Таковы обычные уроки жизни. Уроки эти должны быть употреблены на пользу. Ты извѣдалъ многое и знаешь, гдѣ горько и гдѣ сладко; ты не можешь уже повторять тѣ же ошибки. Пользуйся своимъ опытомъ. То, что больше всего тебя огорчаетъ, это твоя вражда къ отцу. Вражда эта произошла отъ твоего положенія; избери другое и она уничтожится, или, по крайней

мѣрѣ, не будетъ уже такъ болѣзненно проявляться. Всѣ твои бѣды произошли отъ неправильности твоего положенія. Ты предавался увеселеніямъ молодости; это естественно и хорошо. И оно было хорошо, пока было свойственно возрасту. Но пора миновала, ты съ силами мужа отдался рѣзвости молодости и стало дурно. Ты, въ той порѣ, когда надо дѣлаться мужемъ, гражданиномъ и служить отечеству, трудиться на его пользу. Отецъ предлагаетъ тебѣ жениться. Совѣтъ его мудрый. Ты пережилъ одну пору жизни—юность и вступилъ въ другую. Всѣ твои тревоги суть признаки переходнаго состоянія. Признай, что пора юности прошла и, смѣло отбросивъ все, что было свойственно ей, но не свойственно мужу, вступи на новый путь. Женись, брось потѣхи юности, займись торговлей, общественными дѣлами, науками и искусствами и ты, кромѣ того, чтобъ примириться съ отцомъ и съ друзьями, ты найдешь успокоеніе и радость. Главное, что тебя тревожило, это неестественность твоего положенія. Ты возмужалъ и тебѣ нужно вступить въ бракъ и быть мужемъ. И потому главный совѣтъ мой: исполни желаніе отца, женись. Если тебя влечетъ къ тому уединенію, которое ты думалъ найти у христіанъ, если ты склоненъ къ философіи, а не къ дѣятельности жизни, то ты можешь съ пользой предаться этой дѣятельности только послѣ того, какъ ты узнаешь жизнь, въ ея настоящемъ значеніи. А ты узнаешь это только, какъ самостоятельный гражданинъ и глава семейства. Если потомъ тебя будетъ тянуть къ уединенію, — предайся ему, тогда это будетъ истинное влеченіе, а не вспышка недовольства, какова она теперь. Тогда — иди.

Послѣднія слова болѣе всего убѣдили Юлія. Онъ поблагодарилъ незнакомца и вернулся домой.

Мать приняла его радостно. Отецъ тоже, узнавъ о его

намѣренія покориться его волѣ и жениться на той дѣвицѣ, которую онъ предлагалъ ему, примирился съ сыномъ.

4.

Черезъ три мѣсяца была отпразднована свадьба съ красавицей Евламіей и Юлій, измѣнивъ свой образъ жизни, сталъ жить отдѣльнымъ домомъ съ женою и самъ повелъ часть торговаго дѣла, которое передалъ ему отецъ.

Однажды онъ поѣхалъ для своего торговаго дома въ недалеко отстоящій городъ и тамъ, сидя въ лавкѣ у купца, увидалъ проходящаго мимо лавки Памфилія съ незнакомой ему дѣвицею. Оба шли съ тяжелыми ношами винограда, который они продавали. Юлій, узнавъ друга, вышелъ къ нему и просилъ его войти въ лавку, чтобы побесѣдовать съ нимъ. Дѣвица, увидавъ желаніе Памфилія пойти съ другомъ и сомнѣніе его о томъ, чтобы оставить ее одну, поспѣшила сказать, что она не нуждается въ немъ и одна посидитъ съ виноградомъ, ожидая покупателей. Памфилій поблагодарилъ и пошелъ съ Юліемъ въ лавку. Юлій попросилъ у своего знакомаго купца позволеніе войти съ своимъ другомъ въ его горницу и, получивъ это позволеніе, удалился съ Памфиліемъ въ задніе покои.

Друзья разспросили другъ друга объ обстоятельствахъ своей жизни. Жизнь Памфилія не измѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ они видѣлись послѣдній разъ: онъ продолжалъ жить въ христіанской общинѣ, не былъ женатъ и увѣрялъ своего друга, что жизнь его съ каждымъ годомъ, днемъ и часомъ становилась все радостнѣе и радостнѣе. Юлій разсказалъ другу все, что съ нимъ было, и какъ онъ былъ уже на дорогѣ къ христіанамъ, когда встрѣча съ незнакомцемъ разъяснила ему заблужденія христіанъ, его глав-

ную обязанность жениться и какъ онъ послѣдовалъ совѣту и женился.

— Ну что ты счастливъ теперь? — спросилъ Памфилій.— Нашелъ ли ты въ женитьбѣ то, что обѣщалъ тебѣ незнакомецъ?

— Счастливъ?—сказалъ Юлій.—Что такое счастливъ? Если разумѣть подъ этимъ словомъ полное удовлетвореніе своихъ желаній, то разумѣется, я несчастливъ. Я веду свое торговое дѣло пока съ успѣхомъ, люди начинаютъ почитать меня; и въ томъ и въ другомъ я нахожу нѣкоторое удовлетвореніе. Хотя я и вижу много людей, которые богаче и почетнѣе меня, я предвижу возможность сравниться съ ними и даже превзойти ихъ. Эта сторона моей жизни полна, но супружество, я прямо скажу, не удовлетворяетъ меня. Скажу больше: я чувствую, что это самое супружество, которое должно было дать мнѣ радость, не дало мнѣ ея, и что та радость, которую я испытывалъ сначала, шла постоянно уменьшаясь и, наконецъ, уничтожилась; и на томъ мѣстѣ, гдѣ была радость, отъ супружества выростаетъ горе. Жена моя красива, умна, учена и добра. Въ первое время я былъ совершенно счастливъ. Но теперь, ты не знаешь этого, не имѣя жены, — у насъ являются причины раздора отъ того, что, то она ищетъ моихъ ласкъ, когда я равнодушенъ къ ней, то наоборотъ. Кромѣ того, для любви необходима новизна. Женщина, менѣе привлекательная, чѣмъ моя жена, болѣе привлекаетъ меня въ первое время, но потомъ становится еще менѣе привлекательна, чѣмъ моя жена; я уже испыталъ это. Нѣтъ я не нашелъ удовлетворенія въ супружествѣ. Да, другъ,— заключитъ Юлій, — правы философы: жизнь не даетъ того, чего желаетъ душа. Это я испыталъ теперь на супружествѣ. Но то, что жизнь не даетъ того блага, которое же-

лаетъ душа, не доказываетъ того, чтобы вашъ обманъ могъ дать его, — прибавилъ онъ улыбаясь.

— Въ чемъ же ты видишь нашъ обманъ? — спросилъ Памфилій.

— Обманъ вашъ состоитъ въ томъ, что вы, для того чтобы избавить человѣка отъ бѣдъ, соединенныхъ съ дѣлами жизни, отрицаете всѣ дѣла жизни — самую жизнь. Чтобы избавиться отъ разочарованій, вы отрицаете очарованіе, вы отрицаете самый бракъ.

— Мы не отрицаемъ брака, — сказалъ Памфилій.

— Если не бракъ, то вы отрицаете любовь.

— Напротивъ, мы все отрицаемъ, кромѣ любви. Она для насъ служитъ первой основой всего.

— Я не понимаю тебя, — сказалъ Юлій. — Сколько я слышалъ отъ другихъ и отъ тебя, и потому что ты не женатъ еще теперь, не смотря на то, что мы ровестники, я по всему заключаю, что у васъ нѣтъ брака. Ваши продолжаютъ брачную жизнь, установленную прежде, но вновь не вступаютъ въ бракъ. Вы не заботитесь о продолженіи рода человѣческаго. И если бы вы были одни, родъ человѣческій давно бы прекратился, — говорилъ Юлій повторяя то, что онъ много разъ слышалъ.

— Это несправедливо, — сказалъ Памфилій. — Правда, что мы не ставимъ себѣ цѣлью продолженіе рода человѣческаго и не такъ заботимся объ этомъ, какъ я много разъ слышалъ объ этомъ отъ вашихъ мудрецовъ. Мы полагаемъ, что отецъ нашъ уже позаботился объ этомъ, цѣль наша только въ томъ, чтобы жить согласно его волѣ. Если въ его волѣ находится продолженіе рода человѣческаго, то онъ продолжится, если нѣтъ, онъ окончится; это не наше дѣло, не наша забота; наша забота жить по его волѣ. Воля же его выражена и въ нашей проповѣди

и въ вашемъ откровеніи, гдѣ сказано, что мужъ да соединится съ женою и будетъ не два, но одно тѣло. Бракъ у насъ не только не запрещенъ, но поощряется нашими старикамиучителями. Разница нашего брака съ вашимъ состоитъ только въ томъ, что нашъ законъ открылъ намъ, что всякое похотливое взираніе на женщину есть грѣхъ и потому мы и наши женщины, вмѣсто того, чтобы украшать себя и вызывать похоть, мы стараемся удалять ее отъ себя настолько, чтобы чувство любви, между нами, какъ между братьями и сестрами, было сильнѣе чувства похоти къ одной женщинѣ, которую вы называете любовью.

— Но вы не можете все-таки подавить чувство къ красотѣ, — сказалъ Юлій. — Я увѣренъ, напримѣръ, что та красавица—дѣвица, съ которой ты принесъ виноградъ, не смотря на ея нарядъ, скрывающій ея прелести, вызываетъ же въ тебѣ чувство любви къ женщинѣ.

— Я не знаю еще, — сказалъ Памфилій, покраснѣвъ. — Я не думалъ о ея красотѣ. Ты первый сказалъ мнѣ о ней. Она для меня только сестра. Но я продолжаю то, что хотѣлъ сказать тебѣ о различіи нашего и вашего брака. Разница происходитъ уже отъ того, что у васъ похоть, подъ названіемъ красоты и любви и служенія богинѣ Венеры, поддерживается, вызывается въ людяхъ. У насъ же наоборотъ: похоть считается не зломъ (Богъ не дѣлалъ зла), но добромъ, которое бываетъ зломъ, когда оно бываетъ не на своемъ мѣстѣ — соблазномъ, какъ мы называемъ это. И мы всѣми средствами стараемся избѣгать его. И вотъ отъ этого я не женатъ до сихъ поръ, хотя, очень можетъ быть, женюсь завтра.

— Но что же рѣшитъ это?

— Воля Бога.

— Почему ты узнаешь ее?

— Если никогда не искать указаній ея, никогда не увидишь, если же постоянно искать указаній, они становятся ясны, какъ ясны для васъ гаданія на жертвахъ и на птицахъ. И какъ у васъ есть свои мудрецы, которые толкуютъ для васъ волю боговъ по своей мудрости и по внутренностямъ жертвы, и по полету птицъ, такъ точно у насъ есть мудрецы, которые разъясняютъ намъ волю отца по откровенію Христа, по ощущенію своего сердца и мыслей другихъ людей и, главное, по любви къ нимъ.

— Но все это очень неопредѣленно,—возразилъ Юлій. — Что укажетъ тебѣ, напримѣръ, когда и на комъ тебѣ надо жениться? Когда мнѣ предстояло жениться, у меня былъ выборъ трехъ дѣвицъ; эти три дѣвицы были выбраны изъ другихъ, потому что они были красивы, богаты и отецъ мой былъ согласенъ на мой бракъ съ каждой изъ нихъ. Изъ трехъ же я выбралъ свою Евламію, потому что она была красивѣе, для меня привлекательнѣе другихъ; это понятно. Но что будетъ руководить тобою въ выборѣ?

— Для того, чтобы отвѣтить тебѣ,—сказалъ Памфилій,—я долженъ сказать прежде всего то, что, такъ какъ, по нашему ученію, всѣ люди равны передъ своимъ Отцомъ, то они также равны и передъ нами и по положенію своему и по душевнымъ и по тѣлеснымъ свойствамъ; и потому выборъ нашъ (если употреблять это непонятное для насъ слово) не можетъ быть ограниченъ ничѣмъ. Женою христіанина и мужемъ христіанки можетъ быть всякій человѣкъ изъ всѣхъ мужчинъ и женщинъ міра.

— При этомъ еще невозможнѣе рѣшиться, — сказалъ Юлій.

— Я тебѣ скажу то, что мнѣ сказалъ нашъ старецъ о разницѣ, которая существуетъ между бракомъ христіани-

на и язычника. Язычникъ, какъ ты, выбираетъ жену, которая, по его мнѣнію, доставитъ ему, лично ему, больше всего наслажденій. При этомъ глаза разбѣгаются и трудно рѣшиться; тѣмъ болѣе, что наслажденіе впереди. Но для христіанина нѣтъ этого выбора для себя, или скорѣе выборъ для своего личнаго наслажденія занимаетъ не первое, а второстепенное мѣсто. Для христіанина вопросъ въ томъ, чтобы своею женитьбой не нарушить воли Бога.

— Но въ чемъ же можетъ быть нарушеніе воли Бога при бракѣ?

— Я бы могъ забыть Илліаду, которую мы вмѣстѣ съ тобой учили и читали, но тебѣ, живущему въ средѣ мудрецовъ и поэтовъ, нельзя забыть. Что же вся Илліада? Это повѣсть о нарушеніи воли Бога по отношенію къ браку. И Менелай, и Парисъ, и Елена, и Ахилесъ, и Агамемнонъ, и Хризальда, — все это описаніе всѣхъ страшныхъ бѣдствій, вытекающихъ для людей и теперь происходящихъ отъ этого нарушенія.

— Да въ чемъ же нарушеніе?

— Нарушеніе въ томъ, что человѣкъ любитъ въ женщинѣ свое наслажденіе отъ сближенія съ нею, а не человѣка, подобнаго себѣ, и потому вступаетъ въ бракъ ради своего наслажденія. Христіанскій бракъ возможенъ только тогда, когда у человѣка есть любовь къ людямъ и когда предметъ любви плотской уже прежде есть предметъ братской любви человѣка къ человѣку. Какъ разумно и прочно строить домъ можно только тогда, когда есть основаніе; картину писать, когда подготовлено то, на чемъ писать, — такъ плотская любовь только тогда законна, разумна и прочна, когда въ основаніи ея лежитъ уваженіе, любовь человѣка къ человѣку. На этомъ основаніи только можетъ возникнуть разумная христіанская семейная жизнь.

— Но все-таки я не вижу, почему такой христіанскій, какъ ты говоришь, бракъ, — сказалъ Юлій, — исключаетъ ту любовь къ женщинѣ, которую испыталъ Парисъ?

— Я не говорю, чтобы христіанскій бракъ не допускалъ исключительной любви къ женщинѣ; напротивъ, только тогда онъ разумѣнъ и святъ; но исключительная любовь къ женщинѣ только тогда можетъ возникнуть, когда не нарушена прежде существовавшая любовь ко всѣмъ людямъ. Исключительная же любовь къ женщинѣ, которую воспѣваютъ поэты, признанная сама по себѣ хорошей безъ того, чтобы она основывалась на любви къ людямъ,—не имѣетъ права называться любовью. Она есть похоть животная и очень часто переходитъ въ ненависть. Лучшій примѣръ того, какъ эта, такъ называемая любовь (эросъ), если она не основана на братской любви ко всѣмъ людямъ, дѣлается звѣрствомъ; это случаи насилія надъ той самой женщиной, которую будто любитъ тотъ, кто, насилуя, заставляетъ страдать и губитъ ее. Въ насиліи очевидно нѣтъ любви къ человѣку, если онъ мучаетъ того, кого любитъ. Но при нехристіанскомъ бракѣ часто есть скрытое насиліе, когда тотъ, кто женится на дѣвушкѣ, не любящей его или любящей другого, заставляетъ ее страдать и не жалѣетъ ее, лишь бы удовлетворить своей любви.

— Положимъ, что это такъ, — сказалъ Юлій, — но если дѣвушка любитъ его, то и нѣтъ несправедливости и я не вижу разницы между христіанскимъ и языческимъ бракомъ.

— Я не знаю подробностей твоего брака, — отвѣтилъ Памфилій, — но я знаю, что всякій бракъ, имѣющій въ основѣ одно личное благо не можетъ не быть причиною раздора; такъ точно какъ простое принятіе пищи не можетъ обойтись, между животными и людьми, мало разли-

чающимися отъ животныхъ, безъ соры и драки. Всякому хочется сладкій кусокъ, а такъ какъ сладкихъ кусковъ на всѣхъ не достаетъ, то является раздоръ. Если и нѣтъ видимаго раздора, то есть затаенный. Слабому хочется сладкаго куска, но онъ знаетъ, что сильный не дастъ его ему и, хотя онъ уже знаетъ невозможность отнять его прямо у сильнаго, онъ, съ затаенной завистливой злобой, смотритъ на сильнаго и пользуется первымъ случаемъ, чтобы отнять у него. Тоже и съ бракомъ языческимъ, но только вдвое хуже, потому что предметъ зависти есть человѣкъ, такъ что злоба рождается и между супругами.

— Но какъ же сдѣлать, чтобы брачущіеся никого не любили, кромѣ двоихъ себя? Всегда найдется человѣкъ или дѣвушка, который любитъ того или другого. И тогда по вашему, бракъ невозможенъ. И потому то я вижу, что справедливо говорятъ про васъ, что вы вовсе не женитесь. Потому и ты не женатъ и, вѣроятно, не женишься. Какъ не можетъ быть того, чтобы человѣкъ женился на одной женщинѣ, никогда раньше не возбудивъ къ себѣ чувства любви со стороны другой женщины. Какъ же должна была поступить Елена?

— Старецъ Кириллъ говоритъ объ этомъ такъ: въ языческомъ мірѣ, люди, не думая о любви къ братьямъ, не воспитывая этого чувства, думаютъ объ одномъ, о возбужденіи въ себѣ страстной любви къ женщинѣ и воспитываютъ въ себѣ эту страсть. И потому въ ихъ мірѣ всякая Елена, или подобная ей, возбуждаетъ любовь во многихъ. Соперники бьются другъ съ другомъ, стараются превзойти одинъ другого, какъ животныя, чтобы пріобрѣсть самку. И въ большей или меньшей степени бракъ ихъ есть насиліе. Въ нашей общинѣ мы не только не думаемъ о личномъ наслажденіи красотой, но избѣгаемъ всѣхъ соблаз-

новъ, ведущихъ къ этому и возведенныхъ въ языческомъ мірѣ въ достоинство и въ предметъ обожанія. Мы напротивъ того думаемъ о тѣхъ обязанностяхъ уваженія и любви къ ближнему, которыя мы имѣемъ безразлично ко всѣмъ людямъ, къ величайшей красотѣ и къ величайшему уродству. Мы воспитываемъ всѣми силами это чувство, и потому въ насъ чувство любви къ людямъ беретъ верхъ надъ соблазномъ красоты и побѣждаетъ его и уничтожаетъ раздоръ, происходящій изъ половыхъ сношеній. Христіанинъ женится только тогда, когда онъ знаетъ, что его соединеніе съ женщиной не причинитъ никому горя.

— Но развѣ это возможно? — возразилъ Юлій, — развѣ можно управлять своими влеченіями?

— Нельзя, когда имъ дана воля, но не давать имъ просыпаться и подниматься — мы можемъ. Возьми примѣръ отношенія отца съ дочерью, матерей съ сыновьями, братьевъ съ сестрами. Мать для сына, дочь для отца, сестра для брата, какъ бы они ни были прекрасны — не предметъ личнаго удовольствія, а любви, и чувства не просыпаются. Они проснулись бы только тогда, когда отецъ узналъ бы, что та, которую онъ считалъ дочерью, не его дочь, или для сына мать, или для брата сестра; но и тогда чувство это было бы очень слабо и покорно, и во власти человѣка было бы удержать его. Чувство похоти было бы слабо, потому что въ основу его положено чувство любви къ матери, къ дочери, къ сестрѣ. Почему же ты не хочешь допустить, что въ человѣкѣ можетъ быть воспитано и утверждено такое чувство ко всѣмъ женщинамъ, какъ къ матерямъ, сестрамъ, дочерямъ и что на основѣ этого чувства можетъ вырости чувство супружеской любви? Какъ только братъ узналъ, что та, которую онъ считалъ сестрой, не сестра — позволяетъ въ себѣ подниматься къ ней чув-

ству любви, какъ къ женщинѣ; такъ точно христіанинъ, когда чувствуя, что любовь его не огорчаетъ никого, позволяетъ чувству этому подниматься въ душѣ.

— Ну, а если два человѣка полюбили одну дѣвушку?

— Тогда одинъ жертвуетъ своимъ счастьемъ для счастья другого.

— Но когда она любитъ одного изъ нихъ?

— Тогда жертвуетъ своимъ чувствомъ тотъ, котораго она менѣе любитъ, для счастья ея.

— Ну, а если она любитъ обоихъ и оба жертвуютъ собой, она ни за кого не выйдетъ?

— Нѣтъ, тогда старшіе разсудятъ дѣло и посовѣтуютъ такъ, чтобы было наибольшее благо для всѣхъ, при наибольшей любви.

— Но вѣдь такъ не дѣлается, а не дѣлается потому, что это противъ природы человѣка.

— Противъ природы человѣка? Какой природы человѣка? Человѣкъ, кромѣ того, что животное, еще человѣкъ и правда, что такое отношеніе къ женщинѣ не согласно съ животной природой человѣка, но оно согласно съ его разумной природой. И когда онъ употребляетъ разумъ на служеніе своей животной природѣ, онъ дѣлаетъ хуже животнаго, онъ доходитъ до насилія, до кровосмѣшенія, то до чего не доходитъ ни одно животное. Но когда онъ употребляетъ свою разумную природу на обузданіе животнаго, когда животная природа служитъ разуму, тогда только онъ достигаетъ того блага, которое удовлетворяетъ его.

5.

— Но скажи мнѣ о себѣ лично, — сказалъ Юлій. — Я вижу тебя съ этой красавицей, ты, какъ видно, живешь при ней и служишь ей, неужели ты не желаешь стать ея мужемъ?

— Я не думалъ о томъ, — сказалъ Памфилій. — Она дочь христіанской вдовы. Я служу имъ также, какъ имъ служатъ другіе. Ты спросилъ меня: люблю ли я такъ, чтобы соединиться съ нею? Вопросъ этотъ тяжелъ для меня. Но я отвѣчу прямо. Мысль эта приходила мнѣ, но есть юноша, который любитъ ее и потому я не смѣю еще думать объ этомъ. Юноша этотъ христіанинъ и любитъ насъ обоихъ и я не могу сдѣлать поступка, который бы огорчилъ его. Я живу не думая объ этомъ. Я ищу одного: исполнить законъ любви къ людямъ, — это единое на потребу. — Я женюсь тогда, когда увижу, что такъ надо.

— Но для матери не можетъ быть безразлично пріобрѣтеніе добраго, трудолюбиваго зятя. Она будетъ желать тебя, а не другихъ.

— Нѣтъ, ей безразлично, потому что она знаетъ, что кромѣ меня, всѣ наши готовы служить ей, какъ и всякому другому, и я ни меньше, ни больше буду служить ей, если я буду или не буду ея зятемъ. Если же изъ этого вытечетъ мой бракъ съ дочерью, я приму это съ радостью, какъ я приму и бракъ ея съ другимъ.

— Не можетъ этого быть! — вскричалъ Юлій, — Вотъ это-то и ужасно у васъ, что вы сами обманываете себя. И этимъ вы обманываете другихъ. Вѣрно сказалъ мнѣ про васъ тотъ незнакомецъ. Слушая тебя, я невольно подчиняюсь красотѣ той жизни, которую ты описываешь

мнѣ, но размышляя я вижу, что все это обманъ, ведущій къ дикости, грубости жизни, приближающей къ животной.

— Въ чемъ же ты видишь эту дикость?

— А въ томъ, что поддерживая сами свою жизнь трудами, вы не имѣете досуга и возможности заниматься науками и искусствомъ. Ты вотъ въ оборванномъ одѣяніи, съ огрубѣвшими руками и ногами; твоя спутница, которая могла бы быть богиней красоты, похожа на рабу. Нѣтъ у васъ ни пѣсенъ Аполлона, ни храмовъ, ни поэзіи, ни игръ,—ничего, что дали боги для украшенія жизни человѣка. Работать, работать, какъ рабы или какъ волы, чтобы только грубо кормиться,—развѣ это не добровольное и безбожное отреченіе отъ воли и природы человѣка?

— Опять природа человѣка! — сказалъ Памфилій. — Но въ чемъ эта природа? Въ томъ ли, чтобы мучить непосильнымъ трудомъ рабовъ, убивать своихъ братьевъ и брать ихъ въ рабы, изъ женщинъ дѣлать предметъ забавы? Все это необходимо для той красоты жизни, которую ты считаешь свойственной природѣ человѣка. Въ этомъ ли природа его, или въ томъ, чтобы жить въ любви и согласіи со всѣми, чувствуя себя членомъ одного всемірнаго братства? Ты тоже очень ошибаешься, если думаешь, что мы не признаемъ науки и искусства. Мы высоко цѣнимъ всѣ способности, которыми одарена человѣческая природа. Но на всѣ способности, присущія человѣку, мы смотримъ какъ на средство для достиженія одной и той же цѣли, которой мы посвящаемъ всю нашу жизнь, а именно исполненіе воли божіей. Въ наукѣ и искусствѣ, мы видимъ не потѣху, годную только для увеселенія праздныхъ людей; мы требуемъ отъ науки и искусства того же, что отъ всѣхъ занятій человѣческихъ, чтобы въ нихъ осуществлялась та же дѣятельность любви къ Богу и ближнему, ко-

торою проникнуты всѣ дѣла христіанина. Мы признаемъ за дѣйствительную науку только такія знанія, которыя помогаютъ намъ жить лучше, а искусство мы уважаемъ только тогда, когда оно очищаетъ наши помыслы, возвышаетъ душу, укрѣпляетъ наши силы, необходимыя для трудовой, любовной жизни. Такія знанія мы, по мѣрѣ возможности, не упускаемъ случая развивать въ себѣ и въ нашихъ дѣтяхъ, и такому искусству мы охотно предаемся въ свободное время. Мы читаемъ и изучаемъ писанія, завѣщанныя намъ мудростью людей, жившихъ до насъ; мы поемъ псалмы, пишемъ картины, и стихи и картины наши ободряютъ нашъ духъ и утѣшаютъ насъ въ минуту печали. Потому-то мы и не можемъ одобрять тѣ примѣненія, которыя вы себѣ дѣлаете изъ наукъ и искусствъ. Ваши ученые употребляютъ свою способность соображенія на измышленіе новыхъ средствъ для причиненія зла людямъ: они усовершенствуютъ пріемы войны, т. е., убійства; изобрѣтаютъ новые способы наживы, т. е., обогощенія однихъ на счетъ другихъ. Искусство ваше служитъ на сооруженіе и украшеніе храмовъ въ честь боговъ, которымъ наиболѣе развитые изъ васъ давно уже не вѣрятъ, но вѣру въ нихъ вы поддерживаете въ другихъ, разсчитывая, что такимъ обманомъ вы лучше удержите ихъ подъ своею властью. Вы воздвигаете статуи въ честь наиболѣе сильныхъ и жестокихъ изъ вашихъ тирановъ, которыхъ никто не уважаетъ, но только боятся. На театрахъ вашихъ даютъ представленія, восхваляющія преступную любовь. Музыка служитъ для потѣхи вашихъ богачей, которые объѣдаются и опиваются на своихъ роскошныхъ пирахъ. А живопись ваша, которая украшаетъ дома разврата, это такія картины, на которыя, человѣкъ, не одурманенный животной страстью, даже не можетъ взглянуть,

не краснѣя. Нѣтъ, не на это даны человѣку тѣ высшія способности, которыя отличаютъ его отъ звѣрей! Нельзя дѣлать изъ нихъ потѣху для нашего тѣла. Посвящая всю свою жизнь на исполненіе воли божіей, мы тѣмъ болѣе употребляемъ на то же служеніе и высшія наши способности.

— Да,—сказалъ Юлій,—все это было бы прекрасно, если бы жизнь при такихъ условіяхъ была возможна; но жить такъ нельзя. Вы сами обманываете себя. Вы не признаете нашихъ защитъ. А если бы не было римскихъ легіоновъ, развѣ вы могли бы жить спокойно? Вы пользуетесь защитой, не признавая ея. Даже нѣкоторые изъ васъ, ты же самъ говорилъ, защищали себя. Вы не признаете собственности, а пользуетесь ею: наши же имѣютъ ее и даютъ вамъ. Ты самъ не отдашь даромъ виноградъ, а продашь его и будешь покупать. Все это обманъ! Если бы вы дѣлали то, что говорите, тогда бы такъ, а то вы другихъ и себя обманываете!

Юлій разгорячился и высказалъ все, что имѣлъ на душѣ. Памфилій молчалъ, ожидая. Когда Юлій кончилъ, Памфилій началъ возражать:

— Напрасно ты думаешь, что не признавая вашихъ защитъ, мы ими пользуемся. Намъ римскіе легіоны не нужны, такъ какъ мы не придаемъ никакой цѣны тому, что требуетъ защиты насиліемъ. Благо наше въ томъ, что не требуетъ защиты и этого никто не можетъ отнять у насъ. Если же и проходятъ черезъ наши руки вещественные предметы, представляющіе въ вашихъ глазахъ собственность, то мы не считаемъ ихъ своими и передаемъ ихъ тѣмъ, кому они нужны для пропитанія. Мы продаемъ виноградъ, желающимъ покупать его, не ради собственной наживы, а единственно для того, чтобы пріобрѣтать

нуждающимся необходимое для жизни. Если кто нибудь пожелалъ бы отнять у насъ этотъ виноградъ, мы бы отдали его безъ противленія. По этой самой причинѣ мы не боимся и нашествія дикарей. Если бы они стали отнимать у насъ произведенія нашего труда, мы имъ уступили бы ихъ; если бы они потребовали, чтобы мы работали на нихъ, мы и это исполнили бы съ радостью, и имъ не только не за что, но и не выгодно было бы насъ убивать или мучить. Дикари скоро поняли бы и полюбили бы насъ и отъ нихъ пришлось бы меньше терпѣть, чѣмъ отъ окружающихъ насъ теперь и преслѣдующихъ вашихъ просвѣщенныхъ людей. Говорятъ, что только благодаря праву собственности получаются всѣ тѣ произведенія, которыми люди питаются и живутъ, но, посуди самъ, кѣмъ въ дѣйствительности производятся всѣ нужные для жизни предметы? благодаря чьему труду накопляются эти богатства, которыми вы такъ гордитесь? Развѣ производится все это тѣми, которые, сложа руки, повелѣваютъ своими рабами и наемниками и только одни пользуются собственностью; или тѣми бѣдными рабами, которые, ради хлѣба, исполняютъ приказанія своихъ хозяевъ и сами не пользуются никакими имуществами, получая на свою долю еле еле достаточно на дневное пропитаніе? И почему вы думаете, что люди эти перестанутъ работать, когда имъ представится возможность вести разумную и полезную для нихъ работу на себя и на тѣхъ, кого они любятъ и жалѣютъ? Обвиненія твои противъ насъ состоятъ въ томъ, что мы не достигаемъ вполнѣ того, къ чему стремимся, даже, что мы не признаемъ насилія и собственности и вмѣстѣ съ тѣмъ пользуемся ими. Если мы обманщики, то съ нами говорить нечего и мы не заслуживаемъ ни гнѣва, ни обличенія, а только одно презрѣніе, а презрѣніе мы охотно

принимаемъ, ибо одно изъ нашихъ правилъ, — это признаніе своего ничтожества. Но если мы искренно стремимся къ тому, что мы исповѣдуемъ, то тогда твои обвиненія насъ въ обманѣ были бы несправедливы. Если мы стремимся, какъ стремлюсь я и мои братья къ тому, чтобы исполнять законъ нашего учителя, жить безъ насилія и вытекающей изъ него собственности, то вѣдь мы стремимся къ этому не для внѣшнихъ цѣлей, богатства, власти, почестей, — всего этого мы вѣдь не признаемъ; но для чего-то другого? Мы, также, какъ и вы, ищемъ блага; разница только въ томъ, что мы и вы въ различномъ видимъ благо. Вы вѣрите, что благо въ богатствахъ и почестяхъ, а мы вѣримъ въ другое. Вѣра наша указываетъ намъ, что благо наше не въ насиліи, а въ покорности; не въ богатствѣ, а въ отдачѣ всего. И мы, какъ растенія къ свѣту, не можемъ не стремиться туда, гдѣ видимъ наше благо! Мы не исполняемъ всего, чего мы хотимъ для нашего блага, т. е., не очистились совсѣмъ отъ насилія и собственности: это правда. Но развѣ это можетъ быть иначе? Ты стремишься къ тому, чтобы имѣть самую красивую жену, чтобы имѣть самое большое имущество, — развѣ ты или кто нибудь достигъ этого? Если стрѣлокъ не попадаетъ въ цѣль, то развѣ отъ того, что онъ много разъ не попадалъ въ цѣль, онъ перестанетъ мѣтить въ нее? Тоже и съ нами. Благо наше по ученію Христа къ любви, любовь же исключаетъ насиліе и вытекающую изъ него собственность. Мы ищемъ нашего блага, но далеко не вполнѣ и различно, каждый по своему достигаетъ его.

— Да, но почему же вы не вѣрите всей мудрости человѣческой и отвернулись отъ нея, а вѣрите одному вашему распятому учителю? Рабство ваше, покорность передъ нимъ, — вотъ что отталкиваетъ меня.

— Опять ты ошибаешься и ошибается тотъ, кто думаетъ, что мы, исповѣдуя наше ученіе, имѣемъ нашу вѣру потому, что такъ намъ велѣлъ этотъ человѣкъ, которому мы вѣримъ. Наоборотъ, тѣ, которые ищутъ всей душой познанія истины, общенія съ отцомъ, тѣ, которые ищутъ блага, тѣ невольно приходятъ къ тому пути, по которому шелъ Христосъ и потому, невольно становятся позади его, видятъ его передъ собой! Всѣ любящіе Бога сойдутся на этомъ пути и ты также. Онъ сынъ божій и посредникъ между Богомъ и людьми, не потому что намъ кто нибудь сказалъ это и мы въ это слѣпо вѣримъ, но потому что всѣ тѣ, которые ищутъ Бога, находятъ его сына передъ собой и невольно только черезъ него понимаютъ, видятъ и знаютъ Бога!

Юлій не отвѣчалъ и долго сидѣлъ молча.

— Ты счастливъ? — спросилъ онъ.

— Ничего не желаю лучшаго. Но мало того, я большею частью испытываю чувство недоумѣнія, сознаніе несправедливости какой-то, — потому-то я такъ очень счастливъ, — сказалъ Памфилій, улыбаясь.

— Да, — сказалъ Юлій, — можетъ быть я былъ бы счастливѣе, если бы я тогда не встрѣтилъ незнакомца и дошелъ бы до васъ.

— А если ты думаешь такъ, такъ что же мѣшаетъ тебѣ?

— А жена?

— Ты говоришь, что она склонна къ христіанству, и она пойдетъ съ тобой.

— Да, но начата уже другая жизнь, какъ разбить ее? Начата, надо доживать ее, — сказалъ Юлій, представивъ себѣ и недовольство отца, матери, друзей, а глав-

ное всѣ тѣ усилія, которыя надо употребить, чтобы сдѣлать этотъ переворотъ.

Въ это время къ двери лавки подошла дѣвушка, подруга Памфилія, съ юношей. Памфилій вышелъ къ нимъ и юноша, при Юліи, разсказалъ, что онъ присланъ отъ Кирилла закупить кожи. Виноградъ былъ уже проданъ и пшеница закуплена. Памфилій предложилъ юношѣ идти съ Магдалиной домой съ пшеницей, а самому купить и принести кожи.

— Тебѣ будетъ лучше, — сказалъ онъ.

— Нѣтъ, Магдалинѣ лучше идти съ тобой,— сказалъ юноша и удалился. Юлій провелъ Памфилія въ лавку къ знакомому купцу. Памфилій насыпалъ пшеницу въ мѣшки и, положивъ малую часть Магдалинѣ, вскинулъ свою тяжелую ношу, простился съ Юліемъ и рядомъ съ дѣвицей пошелъ изъ города. На поворотѣ изъ улицы Памфилій оглянулся и улыбаясь кивнулъ головой Юлію и такъ, еще радостнѣе улыбаясь, сказалъ что-то Магдалинѣ, и они скрылись изъ глазъ.

— Да, лучше бы я сдѣлалъ, если бы тогда дошелъ до нихъ, — думалъ Юлій. И въ его воображеніи, смѣняясь, возставали два образа, то сильнаго Памфилія съ высокой, сильной дѣвой, несущіе на головахъ корзины, и ихъ добрыя, свѣтлыя лица, то свой домашній очагъ, изъ котораго онъ вышелъ утромъ и въ который вернется; изнѣженная, красивая, но прискучившая и постылая жена въ уборахъ, запястьяхъ, лежащая на коврахъ и подушкахъ.

Но Юлію некогда было думать, подошли купцы-товарищи и начали обычное занятіе, кончившіяся обѣдомъ съ питьями а ночью съ женами...

6.

Прошло десять лѣтъ. Юлій не встрѣчалъ болѣе Памфилія, и свиданія съ нимъ понемногу вышли изъ его памяти и изгладились впечатлѣнія о немъ и о христіанской жизни.

Жизнь Юлія шла обычнымъ чередомъ. За это время умеръ отецъ и онъ долженъ былъ принять все торговое дѣло. Дѣло было сложное: были привычные покупатели, были продавцы въ Африкѣ, были прикащики, были долги, которые надо собрать и которые надо было заплатить. Юлій невольно втянулся въ дѣла и отдалъ имъ все свое время. Кромѣ того, явились новыя заботы. Онъ былъ избранъ на общественную должность. И это новое занятіе, щекотавшее его самолюбіе, было для него заманчиво. Кромѣ торговыхъ дѣлъ онъ занялся и общественными и, имѣя умъ и даръ слова, сталъ выдвигаться между другими, такъ что онъ могъ достигнуть высокаго общественнаго положенія. Въ продолженіи этихъ десяти лѣтъ въ семейномъ быту его произошла тоже значительная и непріятная для него перемѣна. У него родились трое дѣтей и это рожденіе дѣтей удалило его отъ жены. Во первыхъ жена его потеряла большую часть своей красоты и свѣжести, во вторыхъ, она меньше заботилась о мужѣ. Вся ея нѣжность и ласки были сосредоточены на дѣтяхъ. Хотя дѣти и были отдаваемы, по обычаю язычниковъ, кормилицамъ и нянькамъ, часто Юлій заставалъ ихъ у матери или ее не находилъ въ ея покояхъ, а у дѣтей. А дѣти, большею частью, тяготили Юлія, доставляя ему больше непріятностей, чѣмъ радостей.

Занятый и торговыми и общественными дѣлами, Юлій

оставилъ свою прежнюю разгульную жизнь, но ему нужно было, какъ онъ полагалъ, изящное отдохновеніе послѣ трудовъ и онъ не находилъ его у жены, тѣмъ болѣе, что она, за все это время, все больше и больше сходилась съ своей рабыней-христіанкой, все больше и больше увлекалась новымъ ученіемъ и откидывала въ своей жизни все внѣшнее языческое, которое составляло прелесть для Юлія. Не находя въ женѣ того, что искалъ, Юлій сошелся съ женщиной легкаго поведенія и съ нею проводилъ тѣ досуги, которые оставались у него отъ занятій.

Если бы спросили у Юлія, счастливъ ли онъ былъ или несчастливъ за эти годы своей жизни, онъ бы не могъ отвѣтить:

— Онъ былъ такъ занятъ! — Отъ одного дѣла и удовольствія онъ переходилъ къ другому дѣлу или удовольствію, но ни одно дѣло не было такимъ, которымъ онъ былъ бы вполнѣ доволенъ, которое онъ желалъ бы продолжать. Всякое дѣло было такое, что чѣмъ скорѣе онъ могъ освободиться отъ него, тѣмъ было для него лучше; и не одно удовольствіе не было такимъ, которое не было бы чѣмъ нибудь отравлено, къ которому бы не примѣшивалась скука пресыщенія.

Такъ жилъ Юлій, когда съ нимъ случилось событіе, чуть не измѣнившее весь родъ его жизни. На Олимскихъ играхъ онъ участвовалъ въ ристалищахъ и, проведя благополучно свою колесницу до конца, вдругъ наскочилъ на другого, обгоняя его. Колесо сломилось, онъ упалъ и сломалъ себѣ два ребра и руку. Поврежденія его были тяжелы, но не опасны для жизни. Юлія отнесли домой и онъ долженъ былъ пролежать три мѣсяца.

Въ эти три мѣсяца, среди тяжелыхъ тѣлесныхъ страданій, стала работать его мысль и онъ имѣлъ досугъ

обдумать свою жизнь, глядя на нее, какъ на жизнь посторонняго человѣка. И жизнь ему представилась въ мрачномъ свѣтѣ, тѣмъ болѣе, что въ это время случились три непріятныя событія, сильно огорчившія его. Первое было то, что рабъ, надежный слуга его отца, получивъ въ Африкѣ дорогіе камни, бѣжалъ съ ними и сдѣлалъ большой убытокъ и разстройство въ дѣлахъ Юлія. Второе было то, что наложница Юлія оставила его и избрала себѣ новаго покровителя. Третье и самое непріятное для Юлія было то, что во время его болѣзни были выборы на мѣсто правителя, которое онъ надѣялся занять, и мѣсто это занялъ его соперникъ. Все это казалось Юлію, произошло отъ того, что колесница его на одну толщину пальца взяла влѣво.

Лежа одинъ въ постели, онъ невольно сталъ думать о томъ, отъ какихъ ничтожныхъ случайностей зависѣло его счастье и мысли эти навели его на другія и на воспоминанія о прежнихъ своихъ несчастьяхъ: о попыткѣ его уйти къ христіанамъ и о Памфиліи, котораго онъ не видалъ уже десять лѣтъ. Воспоминанія еще усиливались бесѣдами съ женой, которая теперь часто была съ нимъ во время болѣзни и разсказывала ему про все, что она знала о христіанствѣ отъ своей рабыни. Рабыня эта жила одно время въ той же общинѣ, гдѣ жилъ Памфилій и знала его. Юлій пожелалъ видѣть эту рабыню и, когда она пришла къ его ложу, подробно разспросилъ обо всемъ и въ особенности о Памфиліи.

Памфилій, разсказывала рабыня, былъ одинъ изъ ихъ лучшихъ братьевъ и былъ любимъ и уважаемъ всѣми. Онъ былъ женатъ на той самой Магдалинѣ, которую десять лѣтъ тому назадъ видѣлъ Юлій. У нихъ уже было нѣсколько дѣтей.

— Да, тому человѣку, который не вѣритъ въ то, что Богъ сотворилъ людей для ихъ блага, — заключила рабыня,—надо пойти посмотрѣть ихъ жизнь.

Юлій отпустилъ рабыню и наединѣ погрузился въ думы о всемъ томъ, что онъ слышалъ. Ему обидно было сличать жизнь Памфилія съ своей и онъ хотѣлъ не думать объ этомъ.

Чтобы развлечься, онъ взялъ ту греческую рукопись, которую положила ему жена и сталъ читать. Въ рукописи онъ прочелъ слѣдующее:

— Есть два пути: одинъ жизни и одинъ смерти. Путь жизни состоитъ въ слѣдующемъ: во первыхъ, ты долженъ любить Бога, создавшаго тебя; во вторыхъ, ближняго своего, какъ самого себя; и всего того, чего самъ не желалъ, чтобы, случилось съ тобой, не дѣлай и ты другому. Ученіе же, заключающееся въ сихъ словахъ слѣдующее: благословляйте проклинающихъ васъ, молитесь за враговъ вашихъ и поститесь за вашихъ гонителей, ибо какое благодареніе, если вы любите любящихъ васъ. Не дѣлаютъ ли тоже и язычники? Вы же любите ненавидящихъ васъ и вы не будете имѣть враговъ. Удаляйтесь отъ плотскихъ и мірскихъ похотей. Если кто ударитъ тебя въ правую щеку, обрати къ нему другую и будешь совершенъ. Если кто либо привудитъ тебя идти съ нимъ одну версту, иди съ нимъ двѣ; если кто либо взялъ у тебя твое, не требуй назадъ, ибо ты этого не можешь; если кто беретъ твою верхнюю одежду, отдай ему и рубашку. Всякому просящему у тебя дай и не требуй назадъ, ибо отецъ желаетъ, чтобъ всѣмъ было даруемо отъ его благодатныхъ даровъ. Блаженъ, дающій по заповѣди!

— Вторая заповѣдь ученія: не убивай, не прелюбодѣйствуй, не распутствуй, не крадь, не волхвуй, не отравляй, не желай принадлежащаго ближнему твоему. Не клянись,

не лжесвидѣтельствуй, не злословь, не помни зла. Не будь двойственнымъ въ мысли, ни двуязыченъ. Да не будетъ слово твое лживо, ни пусто, но согласно съ дѣломъ. Не будь корыстолюбивъ, ни хищенъ, ни лицемѣромъ, ни злонравнымъ, ни надменнымъ. Не предпринимай худого намѣренія противъ ближняго своего. Не имѣй ненависти ко всякому человѣку, но однихъ обличай, за другихъ молись, а иныхъ люби болѣе души своей.

— Чадо мое! Избѣгай всякаго зла и подобнаго ему. Не будь гнѣвенъ, ибо гнѣвъ ведетъ къ убійству; ни ревнивъ, ни сварливъ, ни вспыльчивъ, ибо изъ всего этого происходитъ убійство.

— Чадо мое! не будь похотливъ, ибо похоть доводитъ до блуда; не будь срамословенъ, ибо изъ этого происходитъ прелюбодѣяніе.

— Чадо мое! не будь лживъ, поелику ложь доводитъ до воровства; не сребролюбивъ, ни тщеславенъ, ибо изъ всего этого происходитъ воровство.

— Чадо мое! не будь ропотникомъ, ибо сіе ведетъ къ богохульству; ни дерзкимъ, ни зломыслящимъ, ибо изъ всего этого происходитъ богохульство. Но будь кротокъ, потому что кроткіе наслѣдятъ землю. Будь долготерпѣливъ и милостивъ, и незлобивъ, и смиренъ, и добръ и всегда трепещи словъ, которыя ты услышешь. Не превозносись и не давай душѣ своей дерзости. Да не прилѣпляется душа твоя къ гордымъ, но обращайся съ праведниками и смиренными. Все что случается съ тобою, принимай, какъ благо, зная, что безъ Бога ничего не бываетъ...

— Чадо мое! не причиняй раздѣленій, спорящихъ же примиряй. Не простирай рукъ къ принятію и не сжимай при отдаваніи. Не колеблись давать и, отдавая, не ропщи, ибо ты узнаешь, кто добрый мздовоздатель. Не от-

вращайся отъ нуждающагося, но во всемъ имѣй общеніе съ братомъ своимъ и ничего не называй своимъ, собственностью, ибо если вы соучастники въ нетлѣнномъ, то тѣмъ болѣе въ вещахъ тлѣнныхъ. Отъ юности учи дѣтей твоихъ страху божію. Во гнѣвѣ своемъ неповелѣвай рабомъ своимъ или рабою, дабы они не перестали бояться Бога, сущаго надъ обоими вами, ибо онъ не приходитъ призывать, судя по лицамъ, но онъ призываетъ тѣхъ, коихъ уготовалъ духъ...

— А путь смерти слѣдующій: прежде всего онъ злой и исполненъ проклятія; здѣсь убійство, прелюбодѣяніе, похоть, блудъ, воровство, идолослуженіе, волшебство, отравленіе, хищеніе, лжесвидѣтельство, лицемѣріе, двоедушіе, коварство, гордость, злоба, высокомѣріе, алчность, сквернословіе, зависть, дерзость, заносчивость, тщеславіе; здѣсь гонители добрыхъ, ненавистники истины, любители лжи, не признающіе воздаянія за праведность, не прилѣпляющіеся къ добру, ни къ праведному сужденію, бдительные не къ добру, но въ злѣ, отъ которыхъ далеки кротость и терпѣніе; здѣсь же любящіе суету, гоняющіеся за мздовоздаяніемъ, не имѣющіе сострадавія къ ближнимъ, не трудящіеся за утружденныхъ, не знающіе творца своего; убійцы дѣтей, погубители образа божія, отвращающіеся отъ нуждающихся, притѣснители угнетенныхъ, защитники богатыхъ, беззаконные судіи бѣдныхъ, грѣшники во всемъ! Берегитесь, дѣти, отъ всѣхъ такихъ людей.“

Еще далеко не дочтя рукописи до конца, съ Юліемъ случилось то, что бываетъ съ людьми, съ искреннимъ желаніемъ истины читающими книги, т. е., чужія мысли: — случилось то, что онъ вступилъ душой въ общеніе съ тѣми, кто внушалъ ихъ. Онъ читалъ, впередъ угадывая то, что

будетъ и не только соглашался съ мыслями книги, но какъ будто самъ высказывалъ эти мысли.

Съ нимъ случилось то обыкновенное, не замѣчаемое многими, то таинственнѣйшее и значительнѣйшее явленіе въ жизни, состоящее въ томъ что, такъ называемый живой человѣкъ становится живымъ, когда вступаетъ въ общеніе, соединяется въ одно, съ такъ называемыми умершими и живетъ съ ними одной жизнью.

Душа Юлія соединилась съ тѣмъ, кто писалъ и внушалъ эти мысли, и послѣ этого общенія онъ оглянулся на себя, на свою жизнь. И самъ онъ и вся его жизнь показались ему одной ужасающей ошибкой. Онъ не жилъ, а только губилъ въ себѣ всѣми заботами о жизни и соблазнами возможность истинной жизни.

— Не хочу губить жизнь, хочу жить, идти по пути жизни! — сказалъ онъ себѣ.

Онъ вспомнилъ все, что говорилъ ему Памфилій въ ихъ прежнихъ бесѣдахъ и все это теперь показалось такъ ясно и несомнѣнно, что онъ удивился тому, какъ могъ онъ тогда повѣрить незнакомцу и не исполнить своего намѣренія — уйти къ христіанамъ. Онъ вспомнилъ и то, что сказалъ ему незнакомецъ:

— Пойди тогда, когда испытаешь жизнь.

— Ну вотъ, и испыталъ жизнь и ничего не нашелъ въ ней. — Онъ вспомнилъ тоже слова Памфилія о томъ, что когда бы онъ ни пришелъ къ нимъ, они будутъ рады принять его.

— Нѣтъ, довольно заблуждаться и страдать! — сказалъ онъ себѣ,—брошу все и пойду къ нимъ жить такъ, какъ сказано здѣсь.

Онъ сказалъ свою мысль женѣ, и жена была восхищена его намѣреніемъ. Жена была готова на все. Дѣло стояло

только за тѣмъ, какъ привести его въ исполненіе. Какъ поступить съ дѣтьми? Взять ли ихъ съ собой, или оставить у бабушки? Какъ взять ихъ? Какъ послѣ нѣжности ихъ воспитанія, подвергнуть ихъ всѣмъ трудностямъ суровой жизни? Рабыня предложила идти съ ними. Но мать боялась за дѣтей и говорила, что лучше оставить ихъ у бабушки и идти однимъ. И на этомъ оба и согласились.

Все было рѣшено, только болѣзнь Юлія задерживала исполненіе.

7.

Въ такомъ расположеніи духа Юлій заснулъ. На утро ему сказали, что проѣзжій искусный врачъ желаетъ его видѣть, обѣщая скоро помочь. Юлій съ радостью принялъ врача. Врачъ былъ никто иной, какъ тотъ самый незнакомецъ, котораго встрѣтилъ Юлій, когда шелъ къ христіанамъ. Осмотрѣвъ его раны, врачъ предписалъ пріемы травъ для подкрѣпленія силъ.

— Буду ли я въ состояніи работать рукой? — спросилъ Юлій.

— О да! Править колесницей, писать, да.

— Но тяжелую работу, — копать?

— Я не думалъ объ этомъ, — сказалъ врачъ, — потому что этого не можетъ быть нужно по твоему положенію.

— Напротивъ, это-то мнѣ и нужно, — сказалъ Юлій и разсказалъ врачу, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ видѣлъ его, онъ послѣдовалъ его совѣту, испыталъ жизнь; но жизнь не дала ему того, что она обѣщала, а напротивъ, разочаровала и что онъ теперь хочетъ привести въ исполненіе намѣреніе, о которомъ говорилъ тогда.

— Да, видно пустили они въ дѣло весь обманъ свой и прельстили тебя такъ, что ты, въ твоемъ положеніи, съ тѣми обязанностями, которыя лежатъ на тебѣ, особенно по отношенію къ дѣтямъ, не видишь все-таки ихъ заблужденій

— Прочти это, — сказалъ только Юлій, подавая рукопись, которую онъ читалъ. Врачъ взялъ рукопись, взглянулъ на нее.

— Знаю я это, — сказалъ онъ, — знаю этотъ обманъ и удивляюсь тому, что такой ученый человѣкъ, какъ ты, можешь попасть въ такую ловушку.

— Я не понимаю тебя. Въ чемъ ловушка?

— Все дѣло въ жизни, и вотъ они, эти софисты (софисты — лжемудрецы, ловкими доказательствами выдающіе ложь за истину) и бунтовщики противъ людей и боговъ, предлагаютъ счастливый путь жизни, при которомъ всѣ люди были бы счастливы: не было бы ни войнъ, ни казней, ни бѣдности, ни распутства, ни ссоръ, ни злобы. И они утверждаютъ, что такое состояніе людей будетъ тогда, когда люди будутъ исполнять заповѣди Христа: не ссорится, не блудить, не клясться, не насиловать, не враждовать народъ противъ народа. Но они обманываютъ тѣмъ, что они цѣль принимаютъ за средство.

Цѣль въ томъ, чтобы не ссориться, не клясться, не блудить и т. д., и эта цѣль достигается только средствами общественной жизни. А то они говорятъ почти тоже, что сказалъ бы учитель стрѣльбы: въ цѣль ты попадешь тогда, когда стрѣла твоя будетъ летѣть по прямой линіи къ цѣли. Да какъ сдѣлать, чтобы она летѣла по прямой — въ этомъ задача. И задача эта достигается въ стрѣльбѣ тѣмъ, что тетива натянута, лукъ упругъ, стрѣла пряма. Тоже и съ жизнью людей. Наилучшая жизнь

людей такая, при которой не надо ссориться, блудить, убивать, — достигается тѣмъ, чтобы была тетива, — правители, упругость лука — сила власти и прямая стрѣла — справедливость закона. Они же, подъ предлогомъ лучшей жизни, разрушаютъ все то, что улучшило и улучшаетъ жизнь. Они не признаютъ ни правительства, ни власти, ни законовъ.

— Но они утверждаютъ, что безъ правителей, власти и законовъ жить будетъ лучше, если люди будутъ исполнять законъ Христа.

— Да; но что ручается, что люди будутъ исполнять его? Ничто! Они говорятъ: вы испытали жизнь при власти и законахъ и жизнь не стала совершенной; испытайте же отсутствіе власти и законовъ, и жизнь станетъ совершенной; вы не имѣете права отрицать этого, потому что вы не испытали. Но тутъ-то явенъ софизмъ этихъ безбезбожниковъ. Говоря такъ, развѣ они не тоже говорятъ, что сказалъ бы человѣкъ земледѣльцу: — ты сѣешь въ землю и закрываешь сѣмена и все-таки урожай не таковъ, какого бы ты хотѣлъ; я же совѣтую тебѣ: сѣй въ море, тогда будетъ лучше; и ты не имѣешь права отрицать мое положеніе, потому что ты его не испыталъ.

— Да, это справедливо, — сказалъ, начинавшій колебаться Юлій.

— Но мало этого, — продолжалъ врачъ. — Допустимъ нелѣпое, невозможное, допустимъ что основы христіанскаго ученія могутъ быть сообщены всѣмъ людямъ пріемомъ какихъ-то капель и что, вдругъ, всѣ люди будутъ исполнять ученіе Христа, любить Бога и ближняго и исполнять заповѣди. Допустимъ это и все-таки путь жизни по ихъ ученію, не выдержитъ разбора. Жизни не будетъ и жизнь прекратится. Учитель ихъ былъ молодой бродяга, такими

будутъ и послѣдователи его, а по нашему предложенію и весь міръ. Теперь живущіе проживутъ, но дѣти ихъ не выживутъ или выживетъ одинъ изъ десяти. По ученію ихъ всѣ дѣти должны быть равны каждой матери и отца, свои и чужіе. Какъ же уберутся эти дѣти, когда мы видимъ, что вся страсть, вся любовь къ этимъ дѣтямъ, вложенная въ матерей, едва охраняетъ дѣтей отъ погибели; что же будетъ, когда страсть эта перейдетъ въ сожалѣніе, равное ко всѣмъ дѣтямъ? Котораго взять и сохранить ребенка? Кто будетъ просиживать ночи съ больнымъ, вонючимъ дѣтищемъ, кромѣ матери? Природа сдѣлала броню ребенку въ любви матери, они снимаютъ ее, ничѣмъ не замѣняя! Кто выучитъ сына, кто вникнетъ въ душу его, какъ не отецъ его? Кто предотвратитъ отъ опасности? Все это отвергается! Устраняется вся жизнь, т. е. продолженіе рода человѣческаго.

— И то справедливо, — сказалъ Юлій, увлеченный краснорѣчіемъ врача.

— Нѣтъ, мой другъ, оставь бредни и живи разумно, особенно теперь, когда на тебѣ лежатъ такія великія, важныя и настоятельныя обязанности. Исполненіе ихъ, — дѣло чести! Ты дожилъ до второго періода сомнѣній, но иди дальше и сомнѣній не будетъ. Первая и несомненнѣйшая твоя обязанность, это воспитаніе дѣтей, которыми ты пренебрегъ. Обязанность твоя въ отношеніи ихъ есть та, чтобы сдѣлать изъ нихъ достойныхъ слугъ отечества. Существующій государственный строй далъ тебѣ все, что ты имѣешь, ты долженъ и самъ служить ему и дать ему достойныхъ слугъ въ своихъ дѣтяхъ; этимъ самымъ ты дашь благо и дѣтямъ. Другая твоя обязанность — это служеніе обществу. Тебя огорчила и разочаровала твоя неудача, — это случайность временная. Безъ усилій и

борьбы ничего не дается. И радость торжества только тогда сильна, когда побѣда была трудна. Предоставь твоей женѣ забавляться болтовней христіанскихъ писателей. Ты же будь мужемъ и воспитай дѣтей быть мужами. Начни жизнь съ сознаніемъ долга и отпадутъ всѣ твои сомнѣнія. Они вѣдь и пришли къ тебѣ отъ болѣзненнаго состоянія. Исполни свою обязанность по отношенію къ государству своимъ служеніемъ ему и приготовленіемъ своихъ дѣтей къ этой службѣ. Поставь ихъ на ноги, чтобы они могли замѣнить тебя и тогда спокойно отдавайся той жизни, которая влечетъ тебя, а до тѣхъ поръ ты не имѣешь на то права; да и если бы отдался, то ничего не нашелъ бы кромѣ страданія.

8.

Лекарственныя ли травы или совѣты мудраго врача подѣйствовали на Юлія, но онъ очень скоро ободрился и его мысли о христіанской жизни показались ему бреднями.

Врачъ, пробывъ нѣсколько дней, и уѣхалъ. Юлій уже скоро послѣ того всталъ и, пользуясь его совѣтами, началъ новую жизнь. Онъ взялъ учителей для дѣтей и самъ слѣдилъ за ихъ ученіемъ. Свое же время все проводилъ въ общественныхъ дѣлахъ и очень скоро пріобрѣлъ въ городѣ большое значеніе.

Такъ прожилъ Юлій годъ и въ этотъ годъ ни разу даже не вспомнилъ о христіанахъ. Но, по истеченіи года, назначенъ былъ въ ихъ городѣ судъ надъ христіанами.

Въ Киликію пріѣхалъ посланный отъ Римскаго императора для подавленія христіанской проповѣди. Юлій слышалъ о мѣрахъ, предпринимаемыхъ противъ христіанъ и, полагая, что это не касается христіанской общины, въ

которой жилъ Памфилій, не думалъ о немъ. Но однажды, когда шелъ по площади въ мѣсто своего служенія, къ нему подошелъ пожилой, бѣдно одѣтый человѣкъ, котораго онъ не узналъ сначала; это былъ Памфилій. Онъ шелъ къ Юлію, ведя за руку ребенка.

— Здравствуй другъ,—сказалъ Памфилій ему. — У меня къ тебѣ есть великая просьба, но не знаю, захочешь ли ты во время теперешнихъ гоненій на христіанъ признавать меня своимъ другомъ и не боишься ли ты потерять свое мѣсто сношеніями со мною.

— Я никого не боюсь,— отвѣтилъ Юлій, — и въ доказательство прошу тебя идти со мной ко мнѣ. Я пропущу даже свое дѣло на площади съ тѣмъ, чтобы говорить съ тобой и быть тебѣ полезнымъ. Пойдемъ со мной. Чей это ребенокъ?

— Это сынъ мой.

— Впрочемъ, я бы могъ не спрашивать. Я узнаю твое лицо въ немъ, узнаю и эти голубые глаза и могу не спрашивать о томъ, кто твоя жена: эта та красавица, которую я нѣсколько лѣтъ тому назадъ видѣлъ съ тобой.

— Ты угадалъ,—отвѣчалъ Памфилій.—Скоро послѣ того, какъ мы видились съ тобой, она стала моей женой.

Друзья вошли въ домъ Юлія. Юлій вызвалъ жену и отдалъ ей мальчика, а самъ провелъ Памфилія въ свою роскошную, уединенную комнату.

— Здѣсь можешь все говорить, никто не подслушаетъ насъ, — сказалъ Юлій.

— Я не боюсь того, чтобы меня услышали,—отвѣчалъ Памфилій. — Даже просьба моя состоитъ не въ томъ, чтобы тѣхъ христіанъ, которые взяты, не судили и не казнили, а только въ томъ, чтобы имъ позволили всенародно высказать свою вѣру.

И Памфилій разсказалъ о томъ, что христіане, взятые властями, изъ темницы дали знать о своемъ положеніи въ свою общину. Старецъ Кириллъ, зная объ отношеніяхъ Памфилія къ Юлію, поручилъ Памфилію идти просить за христіанъ. Христіане не просили о помилованіи. Они считали призваніемъ своимъ свидѣтельство истины ученія Христа. Они могли свидѣтельствовать это длинной осьмидесятилѣтней жизнью, или доказать тоже самое мученичествомъ. То и другое имъ было безразлично и смерть плотская, неизбѣжная для нихъ, была одинаково не страшна и радостна, сейчасъ или черезъ пятьдесятъ лѣтъ; но имъ желалось, чтобы жизнь ихъ послужила на пользу людямъ, и потому послали они Памфилія хлопотать о томъ, чтобы судъ и казнь была при народѣ.

Юлій подивился просьбѣ Памфилія, но обѣщалъ сдѣлать все, что отъ него зависитъ.

— Я обѣщалъ тебѣ свое заступничество, — сказалъ Юлій,— но я обѣщалъ его тебѣ по моей дружбѣ къ тебѣ и тому особенному доброму чувству размягченія, которое ты всегда вызываешь во мнѣ; но я долженъ признаться тебѣ, что ученіе ваше я считаю самымъ безумнымъ и зловреднымъ. Я могу судить объ этомъ потому, что самъ очень недавно, въ минуту разочарованія и болѣзни, въ упадкѣ духа, раздѣлялъ ваши взгляды и опять чуть было не бросилъ все и не ушелъ къ вамъ. Я знаю на чемъ зиждется ваше заблужденіе, потому что самъ прошелъ черезъ него, —на любви къ себѣ, на слабости духа и на болѣзненномъ разслабленіи; это вѣра бабъ, а не мужей.

— Но почему же?

— А потому что, признавая то, что въ природѣ человѣка лежитъ раздоръ и вытекающія изъ него насилія, вы хотите не принимать въ нихъ участія, преподавать ихъ

другимъ и, не внося своего участія, пользоваться устройствомъ міра, основанномъ на насиліи. Развѣ это справедливо? Міръ всегда стоялъ тѣмъ, что были властители. Властители эти брали на себя весь трудъ и всю отвѣтственность, ограждали насъ отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ. И взамѣнъ этого, мы подданные, покорялись этимъ властителямъ, воздавали имъ почести или помогали имъ въ ихъ служеніи. Вы же изъ гордости, вмѣсто того, чтобы своимъ трудомъ участвовать въ дѣлахъ государства и по мѣрѣ заслугъ подниматься трудами вашими выше и выше въ уваженіи людей, вы сразу, по своей гордости, признаете всѣхъ людей равными для того, чтобы никого не считать выше себя, а считать себя равными Кесарю. Вы сами такъ думаете и учите такъ думать другихъ. И для слабыхъ и лѣнивыхъ соблазнъ этотъ великъ! Вмѣсто труда всякій рабъ сразу будетъ считать себя равнымъ Кесарю. Но мало того: вы отрицаете и подати, и рабство, и суды, и казни, и войну, — все то, что сдерживаетъ вмѣстѣ людей. Если бы люди послушали васъ, общество бы распалось и мы бы вернулись къ временамъ дикости. Вы въ государствѣ проповѣдуете разрушеніе государства. Но самое существованіе ваше обусловлено государствомъ. Не будь этого и васъ бы не было. Вы всѣ были бы рабами Скифовъ или дикарей, первыхъ, которые бы узнали о вашемъ существованіи. Вы, какъ нарывъ, разрушающій тѣло, но могущій появиться и питаться только тѣломъ. И живое тѣло борется съ нимъ и подавляетъ его! Тоже дѣлаемъ и мы съ вами, и не можемъ не дѣлать. И не смотря на обѣщаніе мое помочь тебѣ въ исполненіи вашего желанія, я смотрю на ваше ученіе, какъ на самое вредное и низкое: низкое потому, что я считаю, что грызть ту грудь, которая тебя питаетъ, не честно и не

справедливо! Пользоваться благами государственнаго устройства и, не принимая участія въ томъ устройствѣ, которымъ оно держится, разрушать его.

— Въ твоихъ словахъ, — сказалъ Памфилій, — было бы много справедливаго, если бы дѣйствительно мы такъ жили, какъ ты думаешь. Но ты не знаешь нашей жизни и составилъ себѣ ложное представленіе о ней. Тѣ средства къ жизни, которыми мы пользуемся для себя, достижимы безъ помощи насилія. Вамъ съ вашими привычками роскоши трудно себѣ представить, какъ мало нужно человѣку для того, чтобы существовать безъ лишеній. Человѣкъ устроенъ такъ, что въ здоровомъ состояніи онъ можетъ своими руками заработать гораздо больше того, что необходимо для его жизни. Живя же вмѣстѣ, мы въ состояніи, трудомъ сообща, прокормить безъ усилія и нашихъ дѣтей, и стариковъ, и больныхъ, и слабыхъ. Ты говоришь о властителяхъ, что они ограждаютъ людей отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, — но мы любимъ враговъ и потому у насъ ихъ нѣтъ. Ты утверждаешь что мы, христіане, возбуждаемъ въ рабѣ желаніе быть Кесаремъ; — напротивъ того, и словомъ и дѣломъ мы исповѣдуемъ одно: терпѣливое смиреніе и трудъ, трудъ самый низкій — трудъ рабочаго человѣка. Мы не знаемъ и не понимаемъ ничего въ государственныхъ дѣлахъ; мы знаемъ одно, и знаемъ это несомнѣнно, что благо наше только тамъ, гдѣ благо другихъ людей и мы ищемъ это благо; благо же всѣхъ людей въ ихъ единеніи. Единеніе же достигается не насиліемъ, а любовью! Насиліе разбойника надъ прохожимъ для насъ также возмутительно, какъ насиліе войска надъ плѣнными, судей надъ казнимыми, и мы не можемъ сознательно участвовать ни въ томъ ни въ другомъ. Пользоваться же безъ труда насиліемъ мы не

можемъ. Насиліе отражается на насъ, но наше участіе въ насиліи состоитъ не въ приложеніи его, а въ покорномъ перенесеніи его на себѣ.

— Но, скажи же мнѣ, Памфилій, почему же люди относятся къ вамъ враждебно, преслѣдуютъ васъ, гонятъ и убиваютъ? Почему изъ вашего ученія любви выходитъ раздоръ?

— Причина этому не въ насъ самихъ, а внѣ насъ. Мы ставимъ выше всего законъ божескій, управляющій нашей совѣстью и разумомъ. Мы можемъ исполнять только тѣ государственные законы, которые не противны божескимъ: Кесарю — Кесарево, а божье — Богу. И вотъ за это-то люди и преслѣдуютъ насъ. Прекратить такую вражду противъ насъ, исходящую не отъ насъ, мы не въ силахъ, потому что не можемъ забыть ту истину, которую мы поняли, не можемъ начать жить противно нашей совѣсти и нашему разуму. Про эту самую вражду, которую наша вѣра вызываетъ въ другихъ противъ насъ, нашъ учитель сказалъ:

— Не думайте, что я пришелъ принести миръ на землю; не миръ пришелъ я принести, но мечь!

Христосъ испыталъ на себѣ эту вражду, и насъ, своихъ учениковъ, не разъ предупреждалъ о ней:

— Меня, — говорилъ онъ, — міръ ненавидитъ, потому что дѣла его злы. Если бы вы были отъ міра, то міръ любилъ бы васъ; а какъ вы не отъ міра, но я избавилъ васъ отъ міра, потому ненавидитъ васъ міръ. Наступило время, когда всякій убивающій васъ будетъ думать, что онъ тѣмъ служитъ Богу.

Но, какъ и Христосъ, мы не боимся убивающихъ тѣло и потому они не могутъ ничего болѣе сдѣлать съ нами.

— Судъ надъ ними состоитъ въ томъ, что свѣтъ при-

шелъ въ міръ, но люди болѣе всего возлюбили тьму, нежели свѣтъ, потому что дѣла ихъ были злы.

Смущаться этимъ нечего, потому что истина беретъ свое. Овцы слышатъ голосъ пастыря и идутъ за нимъ, потому что знаютъ голосъ его. И не гибнетъ стадо Христово, а ростетъ, привлекая къ себѣ новыхъ овецъ со всѣхъ странъ земли, ибо:

— Духъ дышетъ, гдѣ хочетъ и голосъ его слышишь, хотя не знаешь, откуда приходитъ и куда уходитъ.

— Да, прервалъ его Юлій,—но много ли искреннихъ между вами? Часто васъ обвиняютъ въ томъ, что вы только дѣлаете видъ, что вы мученики и рады гибнуть за истину, но истина не на вашей сторонѣ. Вы гордые безумцы, разрушающіе всѣ основы общественной жизни!

Памфилій ничего не отвѣчалъ и съ грустью глядѣлъ на Юлія.

9.

Въ то время, какъ Юлій говорилъ это, въ комнату вбѣжалъ маленькій сынъ Памфилія и прижался къ отцу. Не смотря на всѣ ласки жены Юлія, онъ убѣжалъ отъ нея и прибѣжалъ къ отцу. Памфилій вздохнулъ, приласкалъ сына и поднялся было, но Юлій удержалъ его, прося остаться пообѣдать и еще побесѣдовать съ нимъ.

— Меня удивляетъ,—сказалъ Юлій,—что ты женился и имѣешь дѣтей. Я не могу понять, какимъ образомъ, вы, Христіане, можете при отсутствіи собственности воспитывать дѣтей? Какимъ образомъ ваши матери могутъ жить спокойно, зная необезпеченность своихъ дѣтей?

— Почему же наши дѣти менѣе обезпечены, чѣмъ ваши?

— Да потому что у васъ нѣтъ рабовъ, нѣтъ имущества. Жена моя очень склонна къ христіанству, она даже одно время хотѣла бросить эту жизнь; это было шесть лѣтъ тому назадъ. Я хотѣлъ съ нею вмѣстѣ идти. Но прежде всего ее испугала та неизвѣстность, та нужда, которая представлялась ея дѣтямъ и я не могъ не согласиться съ нею. Это было во время моей болѣзни. Тогда вся моя жизнь опротивѣла мнѣ и я хотѣлъ все бросить. Но тутъ страхъ жены и съ другой стороны разъясненія врача, который лечилъ меня, убѣдили меня, что христіанская жизнь, какъ вы ее ведете, возможна и хороша для не семейныхъ, но что въ ней семейнымъ людямъ, матерямъ съ дѣтьми, нѣтъ мѣста. Что при жизни, какъ вы ее понимаете, жизнь, т. е., родъ человѣческій долженъ прекратиться. И это совершенно справедливо. Поэтому появленіе твое съ ребенкомъ особенно удивило меня.

— Не только одинъ ребенокъ; дома остались еще грудной и трехлѣтняя дѣвочка.

— Объясни же мнѣ, какъ это дѣлается? Я не понимаю. Пять лѣтъ тому назадъ я готовъ былъ бросить все и идти къ вамъ. Но у меня были дѣти и я понялъ, что какъ бы хорошо ни было мнѣ я не имѣлъ права жертвовать дѣтьми и остался для нихъ жить по прежнему, чтобы выростить ихъ въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ я самъ выросъ и жилъ.

— Странно, — сказалъ Памфилій, — мы разсуждаемъ совершенно обратно. Мы говоримъ: если взрослые люди живутъ по мірски — это еще можно простить, потому что они уже испорчены, но дѣти? это ужасно! Жить съ ними въ міру и соблазнять ихъ! — Горе міру отъ соблазновъ, ибо надобно придти соблазнамъ, но горе человѣку, черезъ котораго соблазны приходятъ. Такъ говоритъ нашъ учи-

тель и поэтому, не для возраженія говорю тебѣ это, а потому что это дѣйствительно такъ. Самая главная необходимость жить такъ, какъ мы всѣ живемъ, вытекаетъ для насъ изъ того, что среди насъ есть дѣти, тѣ существа, про которыхъ сказано: — Если не будете, какъ дѣти, не войдете въ царство небесное.

— Но какъ можетъ христіанское семейство не имѣть опредѣленныхъ средствъ къ жизни?

— Средство къ жизни, по нашей вѣрѣ, есть только одно: любовная работа на людей. Ваше же средство есть насиліе. Оно можетъ уничтожиться, какъ уничтожаются богатства и тогда остается одна работа и любовь людей. Мы считаемъ, что то, что есть основа всего, того и надо держаться, то увеличивать и надо. И когда это есть, то семья живетъ и даже благоденствуетъ. Нѣтъ, — продолжалъ Памфилій, — если бы я сомнѣвался въ истинности ученія Христа и колебался бы въ исполненіи его, то и сомнѣнія и колебанія мои кончились бы тотчасъ, если бы я подумалъ объ участи дѣтей, воспитанныхъ у язычниковъ, въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ ты выросъ и ростутъ твои дѣти. Какія бы мы ни дѣлали устройства жизни съ дворцами, рабами и произведеніями чужихъ странъ, привозимыхъ къ намъ, жизнь большинства людей все-таки остается такою, какою она должна быть. Обезпеченіемъ этой жизни всегда останется — одна любовь людей и трудъ. Мы сами хотимъ освободить себя и нашихъ дѣтей отъ этихъ условій и непосредствомъ насилія, но любовью, заставляемъ людей служить намъ и, удивительное дѣло, чѣмъ больше мы, какъ будто, обезпечиваемъ себя этимъ, тѣмъ болѣе мы лишаемъ себя истиннаго, естественнаго и вѣрнаго обезпеченія — любви. Чѣмъ больше власть владыки, тѣмъ меньше къ нему любви. Тоже и съ другимъ обезпе-

ченіемъ -- трудомъ. Чѣмъ больше человѣкъ избавляетъ себя отъ труда и пріучается къ роскоши, тѣмъ менѣе онъ становится способнымъ къ труду, тѣмъ болѣе лишается истиннаго и вѣчнаго обезпеченія. И эти-то условія, въ которыя люди ставятъ дѣтей своихъ, они называютъ обезпеченіемъ! Возьми своего сына и моего и пошли ихъ обоихъ найти дорогу, передать распоряженіе, сдѣлать нужное дѣло и ты увидишь, который изъ двухъ лучше сдѣлаетъ; а попробуй отдать ихъ на воспитаніе, котораго изъ двухъ охотнѣе возьмутъ? Нѣтъ, не говори этихъ ужасныхъ словъ, что христіанская жизнь возможна только для бездѣтныхъ. Напротивъ можно сказать: языческою жизнью жить простительно только бездѣтнымъ. — Но горе тому, кто соблазнитъ единаго изъ малыхъ сихъ.

Юлій молчалъ.

— Да, — сказалъ онъ, — можетъ ты и правъ, но воспитаніе дѣтей начато, лучшіе учителя учатъ ихъ. Пускай они узнаютъ все, что мы знаемъ. Вреда отъ этого не можетъ быть. А для меня и для нихъ время еще есть. Они могутъ придти къ вамъ, когда будутъ въ силѣ и если найдутъ это нужнымъ. Я же могу сдѣлать это послѣ, когда поставлю на ноги дѣтей и останусь свободнымъ.

— Познайте истину и свободны будете, — сказалъ Памфилій. -- Христосъ даетъ сразу полную свободу; мірское ученіе никогда не дастъ ея. Прощай.— И Памфилій ушелъ съ сыномъ.

Судъ состоялся гласный; Юлій видѣлъ на немъ и Памфилія, какъ онъ съ другими христіанами убиралъ тѣла мучениковъ.

Онъ видѣлъ его, но, опасаясь высшей власти, не подошелъ къ нему и не подозвалъ къ себѣ.

10.

Прошло еще двадцать лѣтъ. Жена Юлія умерла. Жизнь его текла въ заботахъ общественной дѣятельности, въ поискахъ за властью, которая то давалась ему, то ускользала отъ него. Состояніе его было велико и еще увеличивалось.

Сыновья его выросли: второй сынъ въ особенности сталъ вести жизнь на широкую ногу. Онъ дѣлалъ дыры въ днѣ ведра, въ которое собиралось состояніе и, по мѣрѣ увеличенія состоянія, увеличивалась и быстрота течки въ дыры. Тутъ и началась у Юлія борьба съ сыновьями точно такая же, какая была у него самого съ отцомъ: злоба, ненависть, ревность.

Къ этому же времени новый начальникъ лишилъ милости Юлія. Юлій былъ покинутъ прежними льстецами и ему предстояло изгнаніе. Онъ поѣхалъ объясняться въ Римъ; его не допустили и велѣли уѣхать.

Пріѣхавъ домой, онъ засталъ сына съ распутными юношами. Въ Киликіи прошелъ слухъ, что Юлій умеръ и сынъ праздновалъ смерть отца. Юлій вышелъ изъ себя, ударилъ сына такъ, что онъ упалъ замертво и ушелъ въ покои жены. Въ покояхъ жены онъ нашелъ Евангеліе и прочелъ:

— Пріидите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремен-

ные и я успокою васъ. Возьмите иго мое на себя и научитесь отъ меня, ибо я кротокъ и смиренъ сердцемъ и найдете покой душамъ вашимъ. Ибо иго мое благо и бремя мое легко.

— Да, — подумалъ Юлій, — давно уже онъ зоветъ меня. Я не вѣрилъ ему и былъ непокоренъ и золъ, и иго мое было тяжело и бремя мое было зло.

Долго просидѣлъ Юлій съ развернутымъ Евангеліемъ на колѣняхъ, размышляя о всей своей протекшей жизни, и вспоминая обо всемъ, что въ разное время говорилъ ему Памфилій. Потомъ Юлій всталъ и пошелъ къ сыну, котораго засталъ къ удивленію на ногахъ и несказанно обрадовался, что не нанесъ ему поврежденія своимъ ударомъ.

Не говоря сыну ни слова, Юлій вышелъ на улицу и пошелъ по направленію къ христіанской общинѣ. Онъ шелъ цѣлый день и вечеромъ остановился ночевать у поселянина. Въ комнатѣ, въ которую онъ вошелъ, лежалъ человѣкъ. При шумѣ шаговъ человѣкъ поднялся. Это былъ врачъ.

— Нѣтъ, теперь уже ты не отговоришь меня, — закричалъ Юлій, — я третій разъ иду туда же и знаю, что тамъ только найду успокоеніе.

— Гдѣ? — спросилъ врачъ.

— У христіанъ.

— Да, можетъ быть найдешь успокоеніе, но ты не исполнилъ своей обязанности. Въ тебѣ нѣтъ мужества; несчастія побѣждаютъ тебя. Не такъ поступаютъ истинные философы. Несчастіе — это только огонь, которымъ и испытуется золото. Ты прошелъ черезъ горнило. И теперь то ты и нуженъ, и тутъ-то ты и бѣжишь! Вотъ теперь-то и испытай людей и себя. Ты пріобрѣлъ истинную муд-

рость и ее-то долженъ употребить на благо родины. Чтобы было съ гражданами, если бы тѣ, которые познали людей, ихъ страсти и условія жизни, вмѣсто того, чтобы дѣлиться своими знаніями, своею опытностью на пользу общества, зарывали бы ихъ въ поискахъ за успокоеніемъ? Жизненная мудрость твоя пріобрѣтена въ обществѣ и ее ты долженъ отдать тому же обществу.

— Но у меня никакой мудрости нѣтъ! Я весь въ заблужденіяхъ! Хотя заблужденія мои стары, но отъ этого все же не стали мудростью. Какъ вода, какъ бы она ни была стара и гнила, — не сдѣлается виномъ.

Такъ сказалъ Юлій и, схвативъ свой плащь торопливо вышелъ изъ дома и безъ отдыха пошелъ дальше. Въ концѣ другого дня онъ пришелъ къ христіанамъ...

Его приняли радостно, хоть не знали, что онъ другъ всѣми любимаго и уважаемаго Памфилія. За трапезой Памфилій увидалъ своего друга и съ радостью подбѣжалъ къ нему и обнялъ его.

— Вотъ я и пришелъ, — сказалъ Юлій, — скажи, что мнѣ дѣлать, я буду слушать тебя.

— Не заботься объ этомъ, — сказалъ Памфилій. — Пойдемъ со мной. — И Памфилій провелъ Юлія въ домъ, гдѣ жили приходящіе, и, указавъ ему постель, сказалъ:

— Чѣмъ ты можешь служить людямъ, ты самъ увидишь, когда успѣешь приглядѣться къ нашей жизни; но, чтобы знать, куда сейчасъ опредѣлить свой досугъ, я укажу тебѣ на завтра дѣло. Въ садахъ нашихъ идетъ сборъ винограда; иди и подсобляй тамъ. Ты самъ увидишь, гдѣ тебѣ мѣсто.

На утро Юлій пошелъ въ виноградникъ. Первый былъ виноградникъ молодой, обвѣшанный гроздями. Молодые

люди сбирали и снимали его. Всѣ мѣста были заняты и, походивъ долго тамъ и сямъ, Юлій не нашелъ себѣ мѣста. Онъ пошелъ дальше, тамъ былъ виноградникъ болѣе старый, и плодовъ было меньше; но и тутъ нечего было дѣлать Юлію: всѣ работали попарно и ему не было мѣста. Онъ пошелъ еще дальше и вошелъ уже въ престарѣлый виноградникъ. Онъ былъ весь пустъ. Лозы были корявыя, кривыя и, какъ казалось Юлію, всѣ пусты.

— Такъ вотъ что моя жизнь, — сказалъ онъ себѣ.

— Если бы я пришелъ въ первый разъ, она была бы, какъ плоды перваго сада. Если бы я пришелъ, когда шелъ во второй разъ, она была бы, какъ плоды второго сада, а теперь вотъ моя жизнь: она, какъ эти ненужныя, состарѣвшіяся лозы, годныя только на топливо.

И испугался Юлій того, что онъ сдѣлалъ; испугался того наказанія, которое ждетъ его за то, что ни за что погубилъ всю свою жизнь. И опечалился Юлій и говорилъ въ слухъ:

— Никуда я не годенъ и ничего не могу сдѣлать теперь.—И не поднимался онъ съ мѣста и плакалъ о томъ, что погубилъ онъ то, чего возвратить уже нельзя было. И вдругъ услыхалъ онъ голосъ старческій, голосъ, звавшій его:

— Трудись, братъ мой, — говорилъ голосъ. Юлій оглянулся и увидалъ, согнутаго годами, бѣлаго, какъ лунь, старичка, насилу передвигавшаго ногами. Онъ стоялъ у лозы и собиралъ съ нее кое гдѣ оставшіяся сладкія грозди. Юлій подошелъ къ нему.

— Трудись, милый братъ! Трудъ радостный! — И онъ указалъ ему, какъ отыскивать оставшіяся кое гдѣ грозди. Юлій пошелъ искать, нашелъ нѣсколько и принесъ и сложилъ въ корзинку къ старику. А ему старецъ въ отвѣтъ:

— Посмотри, чѣмъ хуже эти грозди тѣхъ, которыя собираютъ въ тѣхъ садахъ? — Ходите въ свѣтѣ, пока есть свѣтъ въ васъ, — сказалъ нашъ учитель. — Воля пославшаго меня есть та, чтобы всякій видящій сына, и вѣрующій въ него, имѣлъ бы жизнь вѣчную и я воскрешу его въ послѣдній день. Ибо не послалъ Богъ Сына своего въ міръ, чтобы судить міръ, но чтобы міръ спасенъ былъ черезъ него. Вѣрующій въ него не судится, а не вѣрующій уже осужденъ, потому что не увѣровалъ въ единороднаго сына божія. Судъ же состоитъ въ томъ, что свѣтъ пришелъ въ міръ, но люди болѣе возлюбили тьму, нежели свѣтъ, потому что дѣла ихъ были злы. Ибо всякій дѣлающій худыя дѣла, ненавидитъ свѣтъ и не идетъ къ свѣту, дабы не обличились дѣла его, потому что они злы. А поступающій по правдѣ, идетъ къ свѣту, дабы явны были дѣла его, потому что они въ Богѣ содѣланы. Не печалься, сынъ мой! Мы всѣ сыны Бога и слуги его! Мы всѣ одно войско его! Что же развѣ кромѣ тебя, думаешь, нѣтъ слугъ ему? и что же, если ты, во всей силѣ своей, отдался служенію его, развѣ бы ты все сдѣлалъ, что нужно ему, все то, что должны сдѣлать людямъ, чтобы установить царство его? Ты говоришь, что ты сдѣлалъ бы въ двое, вдесятеро, во сто разъ болѣе. Да если бы ты въ тьму — темъ больше сдѣлалъ всѣхъ людей, чтобы это было въ дѣлѣ божіемъ? Ничто! Дѣлу божію, какъ и Богу, нѣтъ предѣловъ и нѣтъ конца! Дѣло божіе въ тебѣ. Ты приди къ нему и стань не работникомъ, но сыномъ и ты станешь участникомъ безпредѣльнаго Бога и дѣла его. У Бога нѣтъ малаго и большого, а есть прямое и кривое. Войди въ прямой путь жизни и ты будешь съ Богомъ и дѣло твое станетъ ни малымъ, ни большимъ, а станетъ дѣломъ божьимъ. Вспомни, что на небѣ больше радости за одного

грѣшника, чѣмъ за сто праведниковъ. Мірское дѣло, все то, что ты пропустилъ, показало тебѣ только грѣхъ твой, ты и покаялся. А какъ ты покаялся, такъ ты нашелъ прямой путь; иди по немъ съ Богомъ и не думай о прошломъ, о большемъ и маломъ. Для Бога всѣ живые равны! Одинъ Богъ и одна жизнь!

И успокоился Юлій и сталъ жить и работать по силѣ и мочи для братьевъ своихъ. И прожилъ такъ въ радости еще двадцать лѣтъ и не видалъ, какъ умеръ плотскою смертью.

Ясная Поляна.
Сентябрь 1890.

LIBRAIRIE M. ELPIDINE

Genève, Rue du Rhône, 68.

НАХОДЯТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ:

	Фр.	Сан.
ТОЛСТОЙ, Л. Н. Гр. *Исповѣдь.* Женева, 1889.	3	—
» *Въ чемъ моя вѣра.* Женева, 1892.	5	—
» *Письмо* къ N. N. Женева.	1	—
» *Какова моя жизнь?* Женева, 1886.	4	—
» *Деньги.* Женева, 1890.	2	—
» *Краткое изложеніе* ЕВАНГЕЛІЯ. Женева, 1890.	5	—
» *Крейцерова Соната* съ Послѣсловіемъ. (По исправленной рукописи.) Женева, 1890.	4	—
» *Понятіе о Богѣ* нѣсколькихъ лицъ одинаково понимающихъ ученіе Христа. Женева, 1889.	1	—
» *Критика Догматическаго Богословія.* Женева, 1891.	3	—
» *О Жизни.* Женева, 1891.	4	--
» *Николай Палкинъ,* 1891.	1	—
» *Работникъ* Емельянъ и пустой барабанъ. Женева, 1891.	1	—
» *Ученіе 12 Апостоловъ.* Женева, 1892.	1	—
» *Соединеніе и переводъ четырехъ Евангелій,* 1892.	6	—

Типографія «Общаго Дѣла» въ Женевѣ.

2007096119